

ПОРОГ-АК

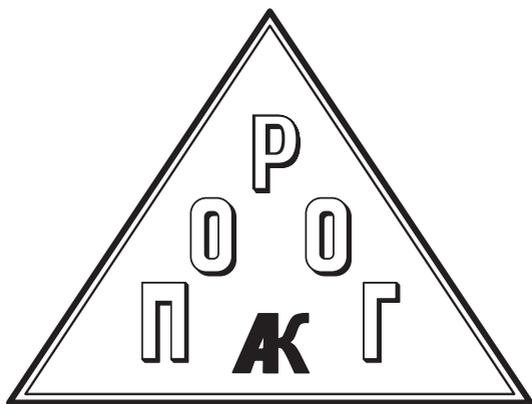
ВЫПУСК

36

[2024]

АЛЬМАНАХ

ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 36

Нереал:

Weiss Toeden. 1816	5
Елена Ермакова. Хозяин деревьев	11
Джерри. Отключили за неуплату	21
Юрий Лимонов. Суседко	23
Елена Ермакова. Пещера	29
Weiss Toeden. Виды огня	64
Елена Ермакова. В коконе	73
Елена Ермакова. Выкуп	82
Елена Ермакова. Кто оторвал голову кукле	84
Лариса Коваль. Ловушка.....	86
Алексей Корепанов. Чаша Судьбы	91

Поэзия:

Мария Ровная. Стихотворения:	
Паутина путей	36
Чужаки	38
Хенобоскионское Евангелие от Фомы.....	39
Сергей Шоня. Стихотворения:	
Из андеграунда 90-х	40
Вечернее	41
Эстетика нимф	42
Елена Седерей-Воякина	
Песня космических романтиков	45
Валерий Сиднин. Стихотворения:	
Осенняя элегия.....	46

Поменяю структуру воды...	47
Не бойся сумасшедшего в себе...	48
Анастасия Кузьмичёва. Стихотворения:	
Не завидуй тем, кто видит море...	49
Что тянет к земле?...	50
Стоишь, не двигаясь навстречу...	51
Упавший кусочек счастья...	52
Вновь спрятавшись за грудой листьев...	53
Время скручено, переверочено...	54
Луна.....	55
Песней мне молитва снится...	56
Забутодели все мои радости.....	57
Из цикла «Я – Она».....	58

Реал-Нереал:

Маргарита Репаловская. Человек без лица 59

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

«ПОРОГ-АК». Выпуск 36. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: alkor06081953@gmail.com

Телефон: (+38) 0993601689

Технічний редактор – О. Корепанов
Оформлення обкладинки – П. Грім
Підписано до друку 31.12.2024. Формат 60x84/16

Weiss Toeden 1816

Женщина стояла на крыльце виллы, под навесом, кутаясь в пелерину. Альпийские луга в этом году не зацвели. От дождей холмы стали нечесаными, как хребет бродячей собаки.

Мужчина, которого высматривала постоялица виллы, возвращался по дорожке с короткой пешей прогулки. Он покинул всю компанию полчаса назад, когда дождь, казалось, утих – заявил, что ему невозможно сидеть у огня безо всякого моциона. Когда он подошел, женщина присмотрелась к меховому вороту его пальто. Что-то привлекло ее внимание, какая-то блестящая крупница.

– Доктор! – воскликнула она. – Что это, снежинка? – Она высунула руку из-под пелерины, чтобы дотронуться. – И правда, ледяная...

– Кажется, зря я сегодня ругал надоевший камин. Кто бы мог подумать, что всего полчаса непогоды снова сделают из меня примерного домоседа! Скорее к огню! О дар Прометея, принесенный смелой рукой с небес, как посмел я тебя не ценить?

– Неужели теперь так будет всегда?

– Кто знает! Цвет лица у неба нынче очень нездоровый, как у больного желтухой, но если больной не умрет, то поправится. Ну-ка, пойдёмте скорее в тепло.

Рука женщины соскользнула с его плеча. Она смотрела теперь не на доктора, а вдаль, в туман.

– Я снова вижу его, – сказала она безо всякого чувства.

Мужчина оглянулся.

Долина, откуда он поднялся к вилле, казалась седой. Снег ли то был? Или вялый дневной свет превратил туман в оптическую иллюзию, в мираж наподобие тех, которые показывают в салонах гостям после нескольких рюмок абсента?

– Снег посреди лета...

– Смотрите, смотрите внимательно, – потребовала женщина.

Дождь казался плотнее в одном небольшом участке. Он сгустился в сизую тень. К изумлению мужчины, в долине медленно обретала подобие плоти человеческая фигура. Затем она пришла в движение.

Двое у порога виллы наблюдали за тем, как неведомый человек, сотканный из холода и тумана, проходит по долине и наконец исчезает из виду среди холмов и отвесных скал.

– Чрезвычайно... – Мужчина не нашел слов. Немного оправившись, он продолжил: – Мир изменился чрезвычайно. Быть может, мы сейчас увидели того, кто несет эти изменения? Что за дух мог

принять такое обличье, да еще расхаживать средь бела дня, хотел бы я знать. Немецкие легенды говорят лишь о духах ночи... Впрочем, день нынче утратил всякую белизну, а лето страдает от анемии. Быть может, мы погружаемся в сумрак, сливаясь с потусторонним миром?

Он взглянул в лицо собеседнице. Женщина все не сводила глаз с долины, где исчезло видение.

– Быть может, то ходит по земле Агасфер. Ослабление всякой жизни наблюдаем мы сейчас, а он, сей легендарный Вечный Жид, находится как бы между двумя мирами. – Изумление отпускало доктора, остужаемое философствованием, словно горячка – хинным отваром. – Не разумно ли предположить, что сейчас его время?

– Или, предположим, вечного Прометея более не палит солнце и не пожирает орел, поэтому он сумел освободиться, – подхватила женщина.

Доктор поехался, он чувствовал, что пальто отсыревает, но медлил войти в дом. Туманная долина напивала его вдохновением, какого он давно не ощущал, сидя взаперти. Он будто впервые после долгой диеты отведал молока.

– Прометей был бы кстати. Но меня здесь занимает мысль об оптических иллюзиях. Могут ли они быть разумны? Может ли мнимое одновременно быть сущим? Послушайте, что мне представилось: тень, которую мы видели – это существо обманчивое, что притворяется человеком, живым человеком, жаждет им быть, однако по природе своей не является. Оно не смиряется, о нет, напротив! Чтобы сохранять в себе подобие жизни, оно выпивает силы из людей...

– Силы?

– Да, силы, или кровь, каковая является основой души. Тем самым существо распространяет проклятие все дальше и дальше, не в состоянии отказаться от лживого своего образа. Каждый встреченный им становится пищей. На смену человечеству приходит раса бледных, подавленных людей, испитых до дна, под таким же чахлым солнцем. Виною же всему – обман.

– Какая мрачная история, – сказала женщина. – Полагаю, лорду Байрону она придется по вкусу.

– Не моя вина в той мрачности. – Доктор посмотрел в пасмурную высь. – Солнце словно умирает. Облака похожи на хлопья пепла, как если бы уже разверзлись адские глубины. Один богослов написал, что геенна огненная – не вечный пламень, а едва тлеющая зловонная свалка, не дающая тепла. Где же тот Прометей, который вновь сведет огонь с небес? Хотя бы, – он попытался обратить все в шутку, – чтобы нам погреться.

Собеседница не вняла его намеку проследовать в дом. Взглядом она блуждала по отдаленным границам, у едва видимой черты сосен, как будто душой желала нагнать ушедшую тень. Не заботило ее даже то, что пелерина отсырела и жалко повисла на плечах, неспособная защитить от дурной погоды.

– Я тоже кое-что вижу, – сказала она. – Точнее, не в силах перестать об этом размышлять. С каждым витком мысли открываются новые грани, словно я еду по крутой горной дороге, в глуши, где на отвесной скале притаилось убежище алхимика, а в лесной чащобе танцуют блуждающие огоньки. Мне не принудить себя остановиться, ведь как не узнать, что кроется за следующим поворотом? Быть может, нечто подобное испытывает и явленный нам дух? В точности как и вы, я считаю это странное создание духом времени. – Она сделала паузу и продолжила: – Мне мерещится, будто не облака заслонили небо, а новости и слухи, что рождаются в тиглях или под микроскопами. Кажется, уже ежедневно открывают какую-нибудь бациллу, но открытия совершались всегда. Нет, дело не в новшествах как таковых... Как будто ход прогресса осенили те пятна на солнце, о которых толкуют астрономы. Мне трудно выразить, в чем это проявлено... Вы читали о некоем вашем коллеге, который изменял электрический ток, чтобы оживить труп?

– Я слышал, что удалось оживить лягушку, по крайней мере, на несколько секунд, – задумчиво ответил доктор. Он начал смутно понимать, к чему клонит собеседница.

– Так представьте же сущность, что воплощает в себе достижение наших дней. Скальпелем и электричеством мой герой станет создавать подобие живого из мертвой материи. Как и ваш персонаж, мой обретает свое проклятие на стыке двух миров. Имя этому проклятию – знание. Герой им отравлен, не может не обратить его в дело.

– Такую историю тоже можно себе представить, – усмехнулся доктор.

Однако собеседница не взглянула на него, она, похоже, вообще не слышала ответа. Только теперь стало заметно, что она как бы не вполне присутствует рядом, что блеск в глазах ее – стылый, колкий.

Вдруг она протянула руку, словно пытаясь ухватить ей одной видимую цель.

– Я вижу, – голос женщины стал отчужденным, – вижу, как он идет, шагает по эпохам и нациям. Приручив молнию, он возомнил себя Прометеем. Прежде он препарировал людей и сшивал из них големов, теперь кромсает страны и перекраивает границы. Он шествует дальше... Его скальпель отныне рассекает самую суть вещей, расчленяет понятия и устои, но тут же удар рукотворной молнии

сплавляет их в новых уродцев. Несовместимые идеи абсурдны, но в его руках принимают убедительный вид. Электричество приводит их в движение. Из его лаборатории выскакивают двойкие твари, подобные маленьким бафометам, но народы превозносят его, словно пророка. Наконец, он создает големов из одних только слов, слепив воедино рассказы о судьбах былых людей. Так будет заменено человечество. Ведь чтобы стать новым божеством, именно власть над *logos* необходима.

Она замерла с воздетой в небо рукой. Доктор глядел на женщину, изумленный больше, чем прежде.

– О, Мэри, но ведь это завораживает! – воскликнул он. – Это незаурядная мысль! Я убежден, вы должны записать ее. Да тут же целый рассказ, не хуже тех, что мы читаем у камина!

Наконец-то на лице женщины заиграла озорная улыбка, которая так очаровывала всю их компанию.

– Раз вы столь высоко оценили мой вымысел, я подумаю над тем, чтобы дерзнуть.

* * *

На следующий день в гостиной собрались все, кроме женщины. Лорд возлежал на диване, листая сборник немецких легенд – макабрических историй, которыми вся компания развлекалась последнее время.

– Книга подходит к концу, – отметил лорд, – а скука тем временем набирает силу. Но где же Мэри? Неужели ей все это надоело даже раньше, чем мне?

– Она собиралась отдать распоряжения горничной и до сих пор не вернулась, – сказал жених Мэри.

Он полулежал в кресле, укутанный в плед. У юноши постоянно болела голова от дождливой погоды, вот и сейчас доктор поднес ему стакан капель. На столике у кресла в беспорядке лежали бумаги, поверх них – лист печатного текста.

– «Le Feuille» принесли? – осведомился доктор, передав юноше питье. – Что пьют? Продается какое-нибудь новое средство для укрепления волос?

– Прочтите, это немисливо... Урожаи погибают. В Германии Рейн вышел из берегов. Французский фрегат «Медуза» тонет у берегов Мавритании.

Доктор взял «Листок» и вчитался в строки на французском.

– Неужели всему виной пятна на солнце? – пробормотал он.

– Джон, – оживился вдруг лорд, обращаясь к доктору, – та ваша фантазия, в которую вы намерены меня посвятить, не оставляет меня. Некий князь, что ищет себе знакомств на светском рауте – не-

винная завязка, но неожиданно сцена переворачивается, вуаля – не дружба здесь, а доверчивая юность отдает бессмертному старику свою кровь. Подобно сказочному существу. Где же, где... – Он принялся листать «Макабрические истории». – Вот! Имя ему – Вампир, вышедший из глухих румынских лесов. Представьте себе, я уже почти готов взяться за перо! Или нет... Ха, есть затея получше. К чему обременять себя? Лучше сядем вместе, и я расскажу вам свою версию, а вы будете дополнять или сочинять собственные. Пускай вымысел летит свободно и заведет нас в глубины, которых не могу предсказать даже я сам. Такое развлечение поинтереснее будет, чем побасенки немецких крестьян и лесорубов, а?

– Я поищу Мэри, – сказал доктор.

Он покинул натопленную комнату. В галерее, ведущей к лестнице на второй этаж, он увидел Мэри. Та стояла у окна. В изжелта-сером свете ее лицо с заостренными и без того чертами казалось изможденным. Грубая шаль, взятая у горничной, соскользнула с плеча, но женщина не поправляла ее. Взгляд Мэри был прикован к чему-то за окном.

– Я снова вижу его, – прошептала женщина. – Он здесь! О, милый доктор, мне кажется – он пришел за мной!

Мужчина тем не менее смотрел лишь на нее оценивающим взглядом профессионала. Щеки женщины покраснелись, но не настолько, чтоб можно было говорить о лихорадке. Из оконной рамы дуло, колебались выбившиеся из начеса прядки. Казалось, женщина всем существом своим готова к движению, к полету.

«Валькирия, – подумал доктор. – Не больная, а валькирия. Но какovy должны быть крылья, что удержат человека под нынешним желтушным небом?»

Странные мысли, увлекательные мысли. Мужчина переборол волнение и подошел к окну. Взглянул наружу. Ему понадобилось усилие воли, чтобы остаться на месте.

– Я тоже вижу нашего гостя, – сказал он. – Мэри... вы обдумали мое предложение насчет повествования?

Плечи женщины вздрогнули.

– Да. Быть может, потому он сегодня так близко.

Фигура, сотканная из дождя, стояла в самом дворе виллы. Зыбкие очертания колебались, они то раздувались, словно призрачный незнакомец был одет в пальто или плащ, то почти таяли.

«Ему много холоднее, чем нам», – подумал доктор.

– Да, Джон Уильям. Я записала все, что пережила вчера и ощутила. – Голос женщины стал резким. – Но этого мало. Скажите, Джон, верите ли вы в силу рассказов, имен и слов? Чувствуете ли, что про-

изнесенное слово обретает плоть не в пространстве – в самом времени, что сама история человечества подобна пряже?

– Пряже, нитке, что выплетена из перепутанной кудели возможного, – подхватил доктор.

Вдруг он невольно отступил на шаг: серая фигура будто приблизилась. Но не дрогнула женщина:

– Я расскажу его историю. Преступник и мечтатель, он будет то рвать на части целостность, то сшивать безжизненное целое из неподобающих частей, как и было вчера ему обещано. Но помимо того, я спряду ему финал. Нет, я не позволю ему зайти слишком далеко по нити времени! Он, алхимик сегодняшнего дня, столь устрашающий в своем честолюбии, обретет смертное, мягкое человеческое сердце. Слово за словом переплету – и сердце это, словно под ударами электрического тока, забудется в раскаянии. Таким будет финал!

Внезапно небо пронзила гроздовая молния. Она ослепила доктора; когда же тот вновь стал способен видеть, то вскрикнул.

Фигура стояла у самого окна. На стекле держался пятипалый отпечаток влаги.

– Он... – Доктор вцепился в свой шейный платок. Волнение заставило его задыхаться.

Женщина не обернулась. Вместо этого она протянула к окну руку и осторожно, почти с нежностью коснулась стекла. Ее пальцы легли на то же место, где серый сгусток прильнул снаружи.

– Всем нужно имя, – сказала женщина. – Имя – как плоть, но для смыслов.

Доктор ждал, что прогремит гром, но звук мешкал. Быть может, заблудился в холмах.

– Как же назову тебя? О, я уже знаю. Я думала об этом всю ночь. У тебя будет имя: оно стреножит твоё безумие, но оно же сделает тебя свободным. Оно ляжет камнем в основу твоего бытия, на него установится все твоё существо. Слушай! Внимай созвучию, которое на моем родном языке означает честность и прямоту. Слово «frank» – таков будет твой фундамент, а потому ты не сможешь всю жизнь лгать самому себе, из твоего естества проступит правда. Твоя история рождена из альпийских глыб, из фантазмагорий немецкого народа, рассказанных у огня. Слушай же! Отныне твоё имя...

Громовой раскат ударил так близко, что содрогнулись стекла. Доктор инстинктивно отпрянул к стене. Но еще оглушительней прозвучал выкрик Мэри, прильнувшей к окну, за которым метался дикий ливень:

– Франкенштейн!

Елена Ермакова ХОЗЯИН ДЕРЕВЬЕВ

На острове

Маленький мальчик вышел из реки, постоял немного на берегу, дожидаясь, пока вода ручьями стечет с одежды, и пошел, не оставляя следов, к покосившемуся от ветхости домику с освещенным окном.

Там сидел у печки другой мальчик, постарше, лохматый и сосредоточенный. Он перебирал крупу, высыпанную на старую косынку. Завершив эту работу, мальчик сказал кому-то, лежавшему в углу под одеялом:

– Пойду проверю сетку. Может, уху сделать удастся.

В ответ раздалось тихое бормотание.

Мальчик немного подождал, надеясь услышать что-то внятное, но так и не дождался. Вдохнув, он сунул в печку небольшое полено и взял с полки нож в чехле – если попало что-то в сетку, поставленную в камышах, то там, на берегу, он эту рыбу и почистит.

Дверь открылась в лунную ночь. На крыльце стоял маленький мальчик и в упор смотрел на Лохматого. Тот выронил из руки нож и сказал сорвавшимся голосом:

– Ты... Ты же утонул...

Малыш моргнул. В его глазах не отражался лунный свет, но все-таки они, эти очень светлые серые глаза, были хорошо видны на лице. Светились, потому что в комнате горел огонь?

Малыш проскользнул в дом, не дав до себя дотронуться, когда старший попытался его обнять.

– Ты доделал мой меч? – спросил, метнувшись в угол, где лежали вырезанные из дерева игрушки.

– Почти, – пробормотал старший, глядя на него сверху. Потом пошел к кровати в углу и погладил одеяло. – Мама, малыш вернулся. Слышишь? Больше не плачь!

Из-под одеяла показалось лицо, но глаза не выражали ничего, кроме отчаяния. Они скользнули по малышу, не узнавая и не признавая.

Старший брат снова попытался подойти к малышу, но тот отскочил от него и заслонился недоделанным мечом. Странно, что он из всех игрушек выбрал именно меч, а не деревянную лодку, которую всегда очень любил.

– Ладно, – пробормотал Лохматый. – Сейчас рыбу принесу и накормлю вас.

Берег был залит лунным светом, поэтому до камышей он добрался, ни разу не провалившись в глиняные ямы, то и дело сами собой возникшие у реки. Вытащил сеть, в которой бились несколько рыбешек, вытряхнул их на траву, быстро почистил и порезал, завернул в лопухи. Все это время он тревожно поглядывал на иву неподалеку. Ему казалось, что ее ветви тихонько шевелятся и тянутся в его сторону.

– Хозяин деревьев, – сказал детский голос за спиной, и Лохматый, вздрогнув, обернулся.

– Ты?

Сзади стоял малыш.

– Как ты подошел так незаметно?

Малыш пожал плечами. Светящиеся глаза были и неизвестными, и знакомыми. Как и раньше, немного удивленными, ясными. Рукой он показывал на иву.

– Он хочет что-то сказать.

– Кто?

– Хозяин деревьев. Тот, который шевелится.

– Хозяина деревьев я придумал. Это сказка. Глупая сказка. По-йдем-ка домой, сейчас уха будет.

– Хозяин деревьев не сказка. Ты же сам его звал, когда отец буянил. Просил, чтобы хозяин деревьев убил отца.

Лохматый остановился как вкопанный, сел на корточки и посмотрел прямо в распахнутые лунные глаза младшего брата.

– Кто ты?

– Ты знаешь.

Лохматый хотел что-то сказать, но запнулся на полуслове. Встал и пошел дальше, иногда спотыкаясь о кочки.

Приготовив уху, Лохматый разлил ее по мискам. Свою и малыша поставил на стол. Материнскую отнес к постели.

– Ну, налетай! – позвал он младшего брата, который возился с игрушками, что-то тихонько шепча.

– Не голодный, – мотнул головой малыш. Потом как-то искоса посмотрел на постель. – А она ест?

– Ест. Но не любит, когда я на нее смотрю. Съест пару ложек, и все.

Малыш снова с подозрением посмотрел на лежавшую под одеялом мать.

– Получается, ты даже не знаешь, ест она или нет.

– Конечно, ест! – вспыхнул Лохматый.

Малыш отвернулся.

Старший брат вылил его порцию обратно в котелок, накрыл котелок крышкой, положил миски и ложки в большую деревянную лохань, где уже лежала другая грязная посуда. Он думал о том, что скоро кру-

па кончится, и, кроме рыбы, ему нечем будет кормить мать и... брата. Если тот вообще захочет есть.

С того времени, как отец почему-то перестал приходить и приносить деньги и еду, запасы в доме неуклонно таяли. Как Лохматый ни старался ловить побольше рыбы, выкапывать в огороде остатки овощей, собирать в лесу ягоды, этого не хватало. Без муки, соли и прочего приходилось худо.

– Пойдем, – сказал он малышу. – Поможешь мне помыть посуду. Помнишь, как я тебя учил посуду песком оттирать? А еще сетку почистим и снова поставим. В игрушки наиграешься еще.

Малыш послушно встал и пошел за ним следом, таща за собой свой деревянный меч.

Снаружи стало темнее – луна спряталась за облаками. Они шли к реке почти вслепую, малыш ступал за старшим след в след. И снова им повезло не провалиться в глиняные ямы.

Возиться в теплой воде было приятно. Малыш не столько помогал, сколько шлепал по воде босыми ногами и бил по ней мечом. Потом вдруг застыл.

– Как я утонул? Я ничего не помню.

Лохматый вскинул голову. Он хотел увидеть лицо брата, но тот стоял к нему боком, с опущенной головой.

– Это неделю назад было. Наш остров заливал дождь, буря была, ямы на каждом шагу, мост на остров, где деревня, почти что ушел под воду. Отец пропал куда-то. Мы решили собрать вещи и уйти в деревню, пока еще можно было. Я впереди шел, мама с тобой на руках за мной. Потом мама закричала. Я оглянулся, она в воде, вас волной смыло с моста. Я тоже в воду прыгнул, схватил ее за руку, стал тащить, а когда на мост вытащил, в руках ветка оказалась, а вас не было нигде.

Малыш опустил голову еще ниже.

– Я решил домой вернуться, плакал сильно, не соображал ничего. Заплутал немного, а когда до дома добрался, смотрю – мама на пороге меня ждет. Но плачет все время, винит себя, что не смогла спасти тебя. А тут и дождь прекратился, вроде все подсыхать начало. Мы тут и остались.

Малыш снова ничего не сказал. Пошел к сети и начал чистить ее от водорослей.

Вернувшись домой, Лохматый поставил посуду на полку над столом, поправил одеяло на матери. Прислушался к ее сонному дыханию.

– Спать пора, – тихо сказал младшему брату.

Кровать в доме была одна, сам Лохматый спал на широкой лавке у печки, накрывшись отцовским тулупом. Брату постелил на старом

месте, на сундуке, но говорить ничего не стал. Отвернулся к стене и закрыл глаза.

Первое, что увидел утром – младший брат сидел перед постелью матери и внимательно следил за ее взглядом. Она не шевелилась, но и не спала, рука, согнутая в локте, была подложена под голову, взгляд блуждал по комнате.

Малыш поднимал руку так, чтобы взгляд матери падал на нее, сжимал и разжимал пальцы у нее перед глазами, но женщина скользила взглядом мимо, так, словно смотрела сквозь младшего сына.

Лохматый вскинулся на лавке.

– Зачем ты так делаешь?

Малыш повернулся к нему, по щеке у него ползла слеза. Потом вскочил и выбежал из дома.

Старший брат бросился за ним. Малыш мчался по клочковатой траве к камышам у берега.

– Стой же! – закричал Лохматый. – Почему ты плачешь?

Малыш остановился под ивой, схватился за ее ствол и повернулся к брату.

– Она не видит меня. Меня нет, понимаешь?

– Но я-то тебя вижу. И она увидит.

– Не увидит. Она такая же, как я, ты что, не догадался еще?

Лохматый сел на корточки перед малышом.

– Что ты имеешь в виду?

Взгляд малыша показался ему холодным и пронзительным.

– Мертвая она. Ты думаешь, что она ест, а она не ест. И не встает, потому что прячется от света.

У Лохматого перехватило дыхание, голова закружилась. Малыш вдруг протянул к нему руку, но отдернул, так и не дотронувшись.

– Доделай мне меч. А ей сделай посох из ивовой ветки. Если они у нас будут, мы станем прежними. Но расставаться нам с ними будет нельзя. Ты сделаешь?

Что-то в голосе малыша изменилось, интонации стали вдруг взрослыми, жесткими.

Лохматый взглянул на дерево, за ствол которого держался младший брат. Ему показалось, что оно вместе с малышом ждет ответа.

– Да, я все сделаю, – сказал он. – Все сделаю.

Он работал над деревянными вещицами весь день, делая их гладкими, шелковистыми, вкладывая в них душу. Работал на берегу, изредка посматривая на иву. Дерево откликалось на каждый его взгляд трепетом ветвей.

Закончив, протянул к дереву меч и посох.

– Я все сделал, как ты велел, хозяин деревьев. Но прошу тебя, верни малышу душу. Не говори у него в голове. Говори со мной прямо, не через него.

Лохматый положил на землю свои изделия, прижал руки к стволу ивы и прислушался.

– Хорошо, – кивнул он, словно что-то услышал. – И это сделаю. Срежу кусок коры, вырежу себе украшение и повешу на шею. Буду слушать твой голос. Но малыша не трогай, хозяин деревьев. Его оставь.

Те, кто смотрят сверху

Двое – высокая женщина в плаще и худощавый юноша – стояли на скалистой вершине холма и наблюдали за битвой двух армий. С такой высоты были видны не только берега острова, на котором происходило сражение, но и уходящие к горизонту во все стороны другие острова и островки безграничного водно-островного мира. Кое-где между островками виднелись лодки, совсем игрушечные на таком расстоянии.

Одна армия явно брала верх, конный клин врезался в пехоту и готов был обратить ее в бегство. Неожиданно пехота начала таять в воздухе, а потом люди появились вдруг позади конницы, и, пока та разворачивалась, успели нанести несколько ударов и снова исчезли. Конники принялись метаться по полю, не зная, откуда произойдет следующее нападение.

Юноша присвистнул, когда пехотинцы начали исчезать. Видно было, что он захвачен сражением, заинтригован драмой, которая разворачивалась у подножия холма.

– Ну что, готов? – с усмешкой спросила женщина, переводя взгляд с поля битвы на юношу. – Итак, откуда мы знаем, что этот мир попал в заложники к магическому охотнику?

– Ну, у нас есть два признака. В обычных мирах невозможны молниеносные превращения. А здесь налицо люди, которые мгновенно переходят из обычной формы в призрачную. Призраки явно водят за нос живых.

– А ведь я навещала этот мир сравнительно недавно, – сокрушенно покачала головой женщина. – Красивый зелено-голубой мир, острова и вода. И лодки, прекрасные резные лодки. Как же быстро охотник все тут изменил... – Голос ее стал задумчивым. – Хорошо, что мы вовремя вернулись. Но продолжай.

– Продолжаю, – уверенно сказал юноша. – Второй признак магического охотника: этот мир охвачен войной. Если бы это был мир, находящийся под защитой открытой магии, здесь царили бы равновесие и

покой. Если бы это был просто пустой мир, больших войн тоже не было бы – так, мелкие междоусобицы, и то изредка.

– Хорошо, – кивнула женщина. – Твой следующий шаг?

– Узнать, во что охотник влил магию.

Юноша прищурился, вглядываясь в поле битвы, где бестолково металась конница, и было уже непонятно, откуда наносят по ней удары, и как настигает конников смерть.

– Подожди меня немного, – сказал он.

Женщина вновь кивнула.

Юноша сделал шаг с вершины холма и растворился в воздухе. Женщина вздохнула и села на шершавый скальный нарост. На битву она уже не смотрела – наблюдение за торжеством смерти никогда не привлекало ее. Она медленно водила рукой по скале и улыбалась, когда пальцы наталкивались на небольшие выемки, наполненные дождевой водой. Неподалеку от нее зеленел мшистый островок, на котором одиноко покачивался кустик камнеломки с единственным розовым цветком.

Итак, еще один мир заражен магией охотника. Это существо давно уже разрушило свой собственный и охотится теперь за другими мирами. Дух охотника остался в обломках, которые было невозможно собрать. Он направлял эти обломки в другие миры, где они проливались метеоритным дождем и пытались впиться во все, что обладало живой волей. Охотник искал нового воплощения. Когда осколки увязали в земле или падали в воду, то заражали корни деревьев и обитателей подземных и подводных глубин. Часто их добычей становились даже невинные насекомые. А своенравный охотник и с их помощью находил путь к сердцам людей, причем далеко не самых последних людей.

Наконец юноша вернулся. Теперь у него был искусно сработанный деревянный меч.

– Призраки обретают плоть и могут сражаться как обычные люди, когда им в руки попадают вот такие вот мечи, – сказал он. – Мечи были заранее, перед битвой, разложены на поле в определенных местах. В нужный момент пехотинцы бросали мечи, теряли плоть, перемещались к следующему скоплению мечей, воплощались и падали. Королевская армия разбита. Армия призраков преследует остатки войска. На флаге у призраков изображено огромное дерево.

– Все понятно, – сказала женщина. – Охотник заразил деревья.

– Что же нам теперь делать? – растерянно спросил юноша. – Ведь мы должны как-то все это остановить!

– Думай, это ведь твое магическое испытание. – Женщина выделала голосом слово «твое» и сложила руки на груди, испытующе глядя на юношу.

– Я... подожди-ка... дай вспомнить... – пробормотал юноша, потирая лоб. Помолчал и воскликнул: – Вот! Книга мертвой магии! Точно, был похожий мир, в котором охотник заразил лианы. И там тоже было оружие, всесильное оружие из лиан. Его сделал какой-то старик!

– Ты на верном пути, – улыбнулась женщина. – Но такое оружие может сотворить далеко не каждый. Вспоминай. Что послужило ключом к изготовлению волшебного оружия? Что знал этот старик, чего не знали другие?

Юноша вновь потер лоб и встрепенулся.

– Вспомнил! Имя! Старик каким-то образом догадался о том имени, которым охотник называл себя в том мире.

– Совершенно верно, – подтвердила женщина. – Охотник может ждать долгие годы, пока кто-нибудь не догадается об имени, которое он себе придумал. И в этом имени обязательно будет слово «царь», или «хозяин», или «господин», или «король». Только этому человеку охотник и передаст частицу своей власти. И это величайшая загадка, как обычному человеку приходит в голову имя охотника. Загадка гораздо большая, чем все наши превращения.

– А что, если это просто случайность?

– И такое тоже может быть. – Женщина усмехнулась, потом поежилась и плотнее укуталась в плащ.

– Значит, нам необходимо найти мастера, создающего мечи и знающего имя охотника?

– Думаю, далеко ходить не нужно будет. – Женщина взглядела в поле боя. – Армия победителей отправляется захватывать королевский дворец. Посмотрим, кто их туда ведет.

Они шагнули с вершины холма и растворились в воздухе, не оставив ни следа на камнях. Лишь цветок камнеломки дрогнул под ударом ветра.

Братья

Знаменосца не беспокоила рана на лбу. Он просто размазывал по лицу струившуюся из нее кровь, а другой рукой крепко держал флаг. В азарте боя он потерял всякую чувствительность к боли.

Подъехавший к нему воин снял с головы шлем, вынул из сумки, притороченной к седлу, тряпку и протянул ее знаменосцу.

– Вытри лицо и перевяжи голову.

Знаменосец беспечно отмахнулся от этого юноши, не замечая нарастающего головокружения и сияя от счастья.

Тот провел рукой по совершенно непослушной, торчащей в разные стороны лохматой шевелюре, а потом смахнул со лба пот.

– Не нравится мне все это, брат. Больно смотреть, – тихо сказал он другому подъехавшему воину без шлема, очень похожему на него. Кроме обычного меча, у этого воина висел на боку еще и маленький деревянный меч.

Молодые люди, хмурясь, оглядывали груды тел и залившую все вокруг кровь.

– Зато ОН будет доволен, – пробормотал воин с деревянным мечом.

Лохматый произвольно прикоснулся рукой к деревянному украшению на груди – оно висело на цепочке – и понурился. Молодые люди тронули лошадей и поехали вслед за знаменосцем.

Через какое-то время воин с деревянным мечом взглянул на своего спутника и не сразу понял, что изменилось. А когда понял – замер в седле. Цепочка была на месте, а вот деревянное украшение исчезло с груди брата. И на земле позади его не было тоже.

Молодой человек хотел было сказать об этом брату, но передумал. На душе у него вдруг почему-то стало легче.

Что рассказало им украшение

– Смотри на линии украшения, сливайся с ним. Можешь даже водить по украшению пальцем. Но не дай засосать себя внутрь. Скользи мыслями по поверхности и читай его. Что ты видишь?

– Я вижу маленький остров и старый домик, вижу корни ивы, которые роют ямы и не дают людям покоя. Я вижу, как ива стащила в воду мужчину, когда он, пьяный, шел по мосту с маленького острова на большой. Вижу, как корни утопили маленького мальчика и вырвали из рук мальчика постарше его мать. Мне плохо.

– Отдохни.

– Ну вот, дальше. Я вижу, как мальчик приносит дереву клятву, называя его по имени, и как охотник возвращает ему мать и брата. А потом деревья стали похищать людей из деревни, но старший мальчик научился возвращать им жизнь, изготавливая деревянные безделушки, связанные с их прошлым. Охотник заставил его поверить, что людей похищает король. А вот младший брат никогда не верил охотнику и не называл его по имени, хоть и знал его.

– Довольно. Как всегда, история обмана, предательства и смерти. Ловушки, преследования, заманивание. Все, что так умеет охотник. Но что нам делать со всем этим? Что ты, как будущий маг, сделаешь? До сих пор ты почти не совершал ошибок. Не допусти ее и сейчас.

– Знаешь, я вдруг подумал... Может, это совсем неправильно, но я все-таки скажу. Я бы забрал этого лохматого мастера к нам и понаблюдал за ним. Может, даже познакомил бы его с магией. У меня из

головы не выходят твои слова о том, что мы не знаем, как люди догадываются об имени охотника. Разве это не наш шанс попытаться понять?

– Отличный ответ! У тебя доброе сердце и пытливый ум. В свое время ты станешь украшением магического ордена. Но на сей раз мы поступим по-другому. Понимаешь, мы вернулись в этот мир очень и очень вовремя. С начала действия магии охотника прошло не более пятнадцати лет, это очень маленький срок, который позволит нам применить магию времени. Мы успеем изменить ход истории, тем более что нас двое, и у нас достаточно сил для этого.

– А это не рискованно?

– Очень даже. И все-таки попробовать стоит.

Не называй его по имени

Двое мальчиков сидели на чердаке старого дома на берегу реки. Они притихли в углу, кутаясь в старое одеяло, и прислушивались к звукам, доносившимся снизу. Младший мальчик прижимал к груди деревянную лодку, которую совсем недавно вырезал для него старший брат. В доме кричал и бил посуду их отец, а мать отвечала гневно и испуганно.

– Как же я хочу, чтобы он... Чтобы хозяин деревьев... – пробормотал старший мальчик, вцепившись в свои лохматые, непослушные волосы.

– Не говори так, – схватив его за руку, прошептал младший брат. – Не называй его. Знаешь, мне ночью сон приснился. Как будто мы выросли, построили большую лодку. – Он еще сильнее прижал к груди деревянную лодочку. – Ты вырезал на ней такую красивую носовую фигуру. Мы уехали с острова и увезли маму. Отец нас не нашел, да и не пытался. Мы только островов повидали, стали купцами.

– Если бы... – протянул старший брат.

– Мыплыли между островами, парус сиял желтым, а носовая фигура вдруг повернулась ко мне и сказала: «Все так и будет, но обещайте мне никогда не называть его по имени».

– Кого? – недоверчиво спросил Лохматый.

– Ты знаешь кого.

– Но он же есть. Я чувствую его. Я его знаю.

– Я то же самое сказал носовой фигуре. А она ответила мне: «Его нельзя звать по имени. Пусть он будет для вас Неназываемым».

– Неназываемым?

– Вот именно. И лодку так назовите.

Внизу раздался стук захлопнувшейся двери. Шум стих. Братья услышали, как мама принялась ходить по кухне и приводить ее в порядок.

– Лодка «Неназываемый», – прошептал, словно пробуя слово на вкус, Лохматый. – Что ж, пожалуй. – Он взял у малыша из рук деревянную лодочку и взвесил ее на ладони. – Я сделаю нам корабль. «Неназываемый». И мы уплывем отсюда. Далеко-далеко.

Джерри ОТКЛЮЧИЛИ ЗА НЕУПЛАТУ

– Эй док, – говорю я, – это серьезно?

Док соглит. Он стучит по моей грудной клетке пальцами и прикладывает трубочку.

– Нет, – говорит, – это пустяк. Тебе нечего бояться. Уже.

– Что это значит, черт возьми?! – реву я, спрыгивая с кушетки.

– Да не ори, – морщит нос док, – все нормально с тобой. Сердце отключили, как у всех. Ничего, жить будешь. У всех отключили на прошлой неделе. Ко мне очередь тогда выстроилась ужасная, все орут, машут руками, спрашивают, будут ли жить. А я понятия не имею. Я им всем стучу по груди, а сам прислушиваюсь, бьется у меня или нет. Не билось. У всех отключили еще тогда, странно, что у тебя лишь сейчас.

– В смысле – отключили? – хлопаю глазами.

– Ни у кого не бьется больше сердце, понял? – говорит док с нажимом. – Все, иди. Живи. Как-то оно будет. Так спокойней. От жизни и так одни неприятности и переживания. Ты когда-нибудь видел, чтобы покойник жаловался на низкую зарплату или разбивал с утра тарелку?

– За неуплату отключили, – сообщила доверительно мадам в газетной лавке. Все стали кивать, все поняли, о чем она говорит. – Иди сложи любовь за последний год да вычти из нее все зло – что останется?

Если сложить всю любовь, помощь и поддержку в мире да вычестить из нее войны, насилие, крики и издевательство – получится отрицательное значение, сосчитали в газетной лавке. Поделом, получается – биение сердца отключили за неуплату, из-за дефицита любви отключили.

Я поскорее купил газету и вышел. Мне не хотелось думать об этом.

Последний год я не мог назвать себя хорошим человеком и уж точно не мог назвать себя любящим. Послал друга детства ко всем чертям. Редко звонил маме. Порвал с Нилой. Где-то прикарманил, потрагился на всякую чепуху – прогулял. Пять раз ходил к шлюхам – один раз до разрыва с Нилой. Курил травку и отворачивался от нищих – не потому, что брезговал, а потому, что они были живым напоминанием моей жадности.

Дома я бросил на столик в прихожей газету и набрал Нилу. У меня был повод позвонить, вернее, с тех пор, как у всех отключили сердце, повод можно было не придумывать. Она ответила после третьего гудка.

– А, это ты, – с деланным безразличием протянула Нила, и было заметно, что ее взбудоражил мой звонок.

Мы поболтали о всяких мелочах, об общих знакомых, об ее аспирантуре и том, с каким треском я угробил свое дело.

Я передал ей привет от своей мамы. Это было лишь частично неправдой: мама не передавала Ниле привет, хотя и хотела бы – она знала, что мы порвали.

Нила предложила встретиться. Я поддержал.

Она предложила пройтись по парку аттракционов. Я поддержал.

Она предложила прокатиться на колесе обозрения.

– Ты ведь боишься высоты, – сказал я, но Нила и слушать не желала.

– Должны ведь быть какие-то преимущества в том, что сердце отключили, – сказала она.

На самой верхушке, когда город, весь в огнях, был как на ладони, в груди было сиротливо тихо и пусто.

Она сказала, что хочет домой. Я предложил проводить ее. Мы шли через вечерний город, и наши длинные тени сплетались, когда встречались под светом фонарей позади нас.

– Какое зверство, что они отключили всех во время дефицита, – сказала Нила. – Не могли дождаться, чтобы жизнь стала лучше.

– И подбрее, – поддержал я.

– Не могли подождать, пока мы счастливое будущее построим? – притворно возмутилась Нила.

– Шанса не дали!

– Выключили все!

– Никакого теперь сердцебиения, никакого радостного бега крови по венам! Никакой первой любви и боли измены!

– Ничего не шлохнется! – заключила Нила и вдруг, обняв меня, порывисто поцеловала.

Когда стало светать, я положил голову Ниле на грудь и стал смотреть в окно. Я любил так делать. Раньше.

У нее в груди медленно и тихо стучало сердце, будто разогревая свой маленький мотор.

А у меня нет.

Юрий Лимонов СУСЕДКО

*Светлой памяти Алексея Лимонова,
сделавшего этот мир ярче, светлее, добрее*

Это была самая обычная суббота. Папа с мамой уже давно проснулись и что-то делали на кухне. Сквозь прерывающийся сон слышу:

«Бу-бу-бу-бу!»

– Мама, да выключи ты это радио! – кричу я и слышу звонкий смех мамы над ухом.

– Вставай, соня! – целует меня мама.

– Не хочу! – сопротивляюсь я.

– Нам нужна твоя помощь! – строгим голосом зовет меня отец.

И уже через пару минут я с хмурым лицом включаю пылесос и начинаю убирать в своей комнате.

– Федул, чего губы надул? – смеется мама.

Я только молча отмахиваюсь. Мама с папой смеются еще громче. А на кухне радио захлебывается радостными трелями:

«Радионяня», «Радионяня» – есть такая передача!

«Радионяня», «Радионяня» – у нее одна задача:

Чтоб все девчонки и все мальчишки подружились с ней...

После уборки комнаты я еще выношу мусор, так и не встретив на улице своего друга Андриана. На кухне мама уже замесила тесто, и мы с ней, папой и моей сестрой Ларисой начинаем лепить вареники.

– Крепче скрепляй края вареника, а то он расползется при варке, – смотрит на мою работу мама.

– Мама, а почему у Юрия дощечка для вареников такая маленькая? – спрашивает моя сестра. – Ему же меньше лепить вареников придется – несправедливо!

– Он же сам маленький и доска для вареников у него маленькая, – целует мама Ларису.

Убежденная этим аргументом или маминым поцелуем, сестра соглашается.

Весь перепачканный в муке, я все-таки слепил полную дощечку вареников, даже десять штук лишних, чтобы сестра не говорила, что я мелкий лентяй.

Потом мы вместе ели эти вареники со сметаной, шутили и смеялись. Вкуснее вареников я в своей жизни не ел...

И вот прошло пятнадцать лет. Уже месяц после смерти мамы не могу себя заставить зайти в пустую квартиру, где когда-то жила наша семья.

Решившись, наконец захожу, и гулкая звенящая тишина ударила по ушам, сердце сжалось в ледяных тисках.

Вдруг из-под старого комода почти неслышно вылез малюсенький сморщенный человечек, лохматый, с бородой и огромными печальными глазами.

– Ты кто? – вскрикнул я от изумления.

– Ты забыл меня, малыш! – печально покачал он головой. – А ведь когда-то в детстве ты дружил со мной! Я домовый.

Я покраснел. Да, мне часто снился мой маленький друг. Я тянул к нему руки и просыпался. И мучился вопросом: сон это или правда? И чем взрослее я становился, тем глубже погружалась в дымку тумана моя дружба с домовым.

– Ты! Ты! Ты! – Я радостно обнял и начал тискать худенького, почти невесомого домового.

– Осторожнее, не раздави меня! – взмолился он.

Я немного пришел в себя и спросил:

– Где ты все это время был, Суседко? – Так звали нашего домовичка.

– В доме был, охранял его! – ответил он, ласково смотря на меня.

Я вновь был ошеломлен!

Первым ушел из-за оторвавшегося тромба отец. Перед его смертью домовичок ходил в сарае в шапку отца. Я тогда спросил, почему, а Суседко откашлялся и промолчал, так ничего и не сказав о предстоящей смерти отца. Сестра умерла в доме своего мужа, а вот тяжело болевшую маму Суседко гладил своей холодной маленькой ручкой, шепча слова ободрения. Мама наутро несвязно рассказывала мне о холодной говорящей кошке, а я все списал на ее болезнь Альцгеймера. И все это время после смерти мамы Суседко жил в пустой квартире!

– Ты нашел меня! – Суседко погладил меня своей маленькой ручкой.

С того дня мы стали жить вместе в родительской квартире.

Будильник настойчиво звонил, пытаюсь меня разбудить.

– Нет! – Я засунул голову под подушку.

– Вставай! Вставай! – не унимался механический голос будильника.

Я швырнул в него подушкой.

– Вставай, Малыш! – послышался хриловатый тоненький голосок Суседко.

Я быстро застелил постель. Как же вкусно пахло из кухни – Суседко приготовил блинчики с творогом.

– Мой руки и завтракать! – скомандовал он.

А я и не возражал.

Умиленно смотря, как я с аппетитом трескаю блинчики, запивая их чаем, домовый приговаривал:

– Кушай-кушай! Чтоб не был у меня голодным! – И вдруг попросил:
– Возьми меня с собой на работу!

– Зачем? – удивился я.

– Хочу посмотреть, где ты работаешь.

– А тебе можно выходить из дома?

– Если очень нужно, то на короткое время можно.

– Но тебя там увидят! – не сдавался я.

– Не увидят! – был непреклонен Суседко.

В первый же день пребывания у меня на работе Суседко меня поразил. В облике маленького серого котенка он подошел к курившим во дворе официанткам и жалобно замыкал. «Ой, какой котеночек!» – ахнули девчонки и дружно начали его гладить.

– Они тебе не подходят! – вдоволь пообщавшись с ними, серьезно заявил домовый.

– В качестве кого? – удивился я.

– Жены, конечно же!

Озадаченно помолчав, я спросил:

– А мне нужна жена?

– Непременно! – уверенно ответил Суседко.

Утром, в подъезде, на меня начал бросаться бульдог соседа, чуть ли не вырывая поводок из руки хозяина. Красный как помидор сосед, стараясь не смотреть на меня, успокаивал собаку. И конечно же, был уверен, что я очень плохой человек, собаки ведь это чувствуют! Однако дело было совсем в другом – в моем рюкзаке сидел Суседко, я нес его на работу! Домовому надоело терпеть скверный характер собаки, и он на миг оживил мой рюкзак – тот оскалился и клацнул острыми зубами. Собака дико взвыла и поволокла упавшего соседа к лифту.

– Ты чего беспредельничаешь? – тихо спросил я домового.

– Будет знать, как маленьких пугать! – так же тихонько ответил Суседко.

В метро одна девочка увидела невидимого для всех домового, сидевшего у меня на плече.

– Покушай, дедушка! – протянула она ему пирожок.

Мать девочки удивленно застыла, а я выскочил из вагона на первой же станции.

После недели походов со мной Суседко подытожил:

– Твоей суженой у тебя на работе нет!
– Это почему? – удивился я.
– Кроме головной боли и неприятностей, эти дамы тебе ничего не принесут. Они не хотят создавать семью.

Ночью я проснулся от ощущения, что кто-то на меня смотрит.

– Фу, напугал! – сказал я сидящему на мне домовому. – Ты чего не спишь? Второй час ночи!

– Грустно мне... – Глаза у домовичка были печальные. – Расскажи что-нибудь.

– Попробую. – Я немного подумал и начал: – Когда я служил в армии, в роте у нас был лейтенант Слышкин. Тиранил солдат он страшно – и за дело, и так просто. Проходя в столовой мимо стола, где сидели девять солдат и сержант, он мог пожелать: «Приятно подавиться!» Не любил солдат он сильно, и они платили ему тем же. И вот однажды солдаты отомстили. Подсыпав ему снотворного, вынесли спящего Слышкина с кроватью на плац и поставили под флагшток.

Суседко с интересом слушал.

– А вот еще случай, – продолжал я. – Командир нашего погранотряда был сибиряк. Большой как медведь, свирепый на вид, но очень добродушный, он имел одну привычку – вычитывая кого-то из своих подчиненных офицеров, он нервничал все сильнее и сильнее, срывал у себя с головы форменную шапку, швырял ее на землю и начинал топтать ногами. Офицер, которого вычитывал командир погранотряда, бледнел и боялся вымолвить хоть слово! Когда командир был в звании подполковника, он мог кидать себе под ноги зимнюю шапку или форменное кепи с козырьком. Фуражки он почти не носил, жарко было летом, да и ветра сильные часто бывали. И вот идет наш командир, уже полковник, в папахе, а рядом с ним семенит, пытаюсь не отстать от него, зампотех. Отчитывает наш командир своего зама и по привычке хватается за свой головной убор. Снимает его – но тут его рука замерла, и он бережно водрузил папаху назад на голову... А чтобы дать выход своему недовольству, срывает зимнюю форменную шапку с бледного майора и начинает топтать ногами. Перепуганный майор козыряет, прикладывая руку к пустой голове. Мы вдвоем – мой земляк Петька и я, ставшие случайными свидетелями происходящего, рассмеялись. А поймав на себе взгляд командира, разбежались как мыши!

– Продолжай! – попросил домовый.

– А однажды нас с Петькой послали на учебу в полугодичную школу сержантов. Там нужно было сдать норматив.

– Что за норматив? – поинтересовался домовый.

– Вырыть индивидуальную стрелковую ячейку и сидеть в ней с муляжом противотанковой гранаты. Когда над тобой проедет танк,

выскочить из ячейки и метнуть муляж гранаты ему в корму. Двое офицеров, сидевших метрах в трехстах в окопчике, не заметили, что я с перепугу рыл и рыл свою ячейку, пока светлый кусочек неба не оказался высоко над головой. Где-то поблизости заурчал танк, и я с ужасом понял, что не могу выкарабкаться из стрелковой ячейки. Раз сорвался, второй, третий... Наконец выбрался и побежал за уже уехавшим танком. И до того разнервничался, что, догнав его, швырнул гранату с такой силой, что она перелетела через танк и упала впереди него.

Домовичок захохотал:

– Представил себе это зрелище!

– Ага, – кивнул я. – А как же ухахатывались танкисты и офицеры в окопчике!

– А твой земляк Петька?

– Он выкопал такую глубокую стрелковую ячейку, что вылезти из нее не смог!

От нового приступа хохота домовичок свалился с меня. Успокоившись, он дослушал мой рассказ.

– Я сбил с ног ударом кулака командира танка за то, что он меня оскорбил. Экипаж танка вписался за командира, Петька замахал кулаками, и мы с ним очутились на гауптвахте. Там мы узнали, что по представлению командира погранотряда нас наградили медалями «За боевые заслуги».

– И?... – Домовичок жаждал концовки.

– С гауптвахты нас выпустили через четыре дня, ребята танкисты пришли мириться, да и норматив мы с Петькой пересдали блестяще! – тихим голосом досказал я, уже засыпая.

А в голове у моего домовичка, как я узнал позже, возник план, и хитрый Суседко, включив компьютер, начал там что-то набирать.

Наутро мы стояли возле двери интернет-издания.

– Что мы здесь делаем? – зло прошептал я домовичку, сидевшему у меня в рюкзачке.

– Отдаем твой рассказ для публикации! – заявил Суседко.

Слегка ошалев, я умолк, и ноги помимо моей воли понесли меня в кабинет. А там девушка в очках, внимательно смотря на меня, спросила:

– Вы по какому вопросу?

Наверное, Суседко что-то сделал со мной, и я сказал:

– Я принес вам свой рассказ.

Карие глаза девушки погрузстнели...

И тут у меня случился приступ красноречия:

– Знаете, у вас такие глаза, что смотришь в них – и кружится голова. От звука вашего голоса я хочу смеяться от радости и плакать от счастья...

Я вышел из кабинета и спросил домовичка:

– Это все ты говорил?

– Это говорил только ты! – едва слышно прошептал Суседко.

– Подождите! – остановила меня в вестибюле девушка-редактор. – Вы ушли и так и не услышали ответа.

– Это был неожиданный и оригинальный комплимент и... И... можно ли пригласить вас в кафе? – спросил я и покраснел.

– В двенадцать у меня обеденный перерыв, будьте возле входа в издательство. – Девушка помахала мне на прощание рукой. – Меня, кстати, Алла зовут!

– Юра! – представился я.

– А рассказ мне понравился. К понедельнику получится еще два-три рассказа принести?

– Да! – кивнул я, мелко дрожа от внутреннего озноба...

Бег времени неумолим.

И вот уже в субботу я бужу нашего младшего сына Никиту, а он не хочет вставать, накрывает голову подушкой.

И все-таки встает, бурча что-то себе под нос, убирает в своей комнате. И мы вчетвером... ой нет, впятером – я, Алла, старший сын Алексей, Никита и Суседко – лепим на кухне вареники и едим их с домашней сметаной. А на книжной полке стоит изданный сборник моих рассказов. Но, дорогой читатель, Алле мы не скажем, что один рассказ был написан нашим домовичком Суседко. Пусть это будет нашей маленькой тайной!

Елена Ермакова ПЕЩЕРА

1

Аня боялась входить в детскую комнату на даче. Там под потолком висело страшное. Огромное насекомое, что-то вроде сверчка, но больше, увязло в паутине и дергалось, сбивая клейкие нити в белый ком.

– Не маленькая, возьми веник и смети эту гадость, – сказала бабушка, отрываясь от помидорного куста.

Девочка так и сделала. Терзаясь от отвращения, вынесла болтавшийся на венике сгусток белого, швырнула на землю. Потом схватила камень и приготовилась нанести удар, чтобы уничтожить отвратительное, вызывавшее страх и ярость.

Остановила камень в сантиметре от паутины, уж слишком спеленатое насекомое было похоже на беспомощного младенца.

«Куколка, куколка, – раздался в голове знакомый хриплый голос. – Тронь куколку и она тронет тебя».

Аня зажмурилась, потому что знала: после этого голоса появится головная боль. Камень выскользнул из руки. Когда открыла глаза, паутинного свертка на земле не было. Исчез? Но как? Когда? Никого, кроме двух маленьких черных птиц, поблизости не было. Птицы смотрели на нее блестящими глазами, немного наклонив голову, застыв. Словно оценивая.

2

– Почему она не ударила по паутине? Должна была. Отвращение, страх, ярость – все это было в ней. А потом исчезло. Паутинная ловушка всегда работает. Теперь будем голодными. Нет страха – нет энергии, нет ярости – нет пищи.

– Слышал голос у нее в голове?

– Слышал.

– Это Зверь.

– Не может быть. Люди не слышат Зверя. Зверь потому и заперт в этом мире, что люди его не слышат и не видят. Так же как они не видят нас, только тела, в которых мы прячемся, и наши паутинные ловушки. Зверь все время рыщет, но выхода не находит, а спросить не может.

– Есть те, кто его слышат. Мало. Она из тех. Он будет идти за ней по пятам.

– Зачем?

– Он думает, что люди что-то знают о выходе, а они не знают.

– Мы знаем, где выход наружу.

- Мы много чего знаем. Но для Зверя мы грязь. Всего лишь пивявки, которые воруют чужую энергию.
- Он большой и сильный. Но нас много. Что, если...
- Нам его не загнать. Такая добыча нам не под силу!
- Может, и не загнать. Но использовать можно. Если привести девочку к выходу, он придет за ней. Если у него перед носом захлопнуть дверь, он будет в ярости. Его ярость и боль – пища для нас надолго.

3

Анна радостно выскочила из аудитории прямо в объятия семьи и Пашки. Ну что, добилась своего, защитила диплом! Новоиспеченный археолог! Кто бы мог подумать, что вопреки папиной ворчле, вопреки постоянным головным болям, она получила диплом с отличием и приглашение в аспирантуру!

«Эх, нищета, нищета», – сокрушался папа. Он с таким трудом строил свой бизнес в конце девяностых, а наследница не интересовалась им от слова «совсем». Анне стыдно не было, вот подрастет брат, он и будет наследником. Лодырь он, но способный.

Отец только качал головой, глядя в ее восторженные глаза, но все-таки обнял, похлопал по спине. А потом снова покачал головой, когда ее обнял Пашка. Анна и с Пашкой папе не угодила. У Пашки длинные волосы забраны в хвост, близорукие глаза всегда прищурены, сутулость, да что говорить, филолог, он и есть филолог. Не таким папа видел Аниного будущего мужа.

Папа ворчал-ворчал, а сам взял да и оплатил им участие в студенческо-аспирантской экспедиции в Индонезию. Нет, что-то и университет оплатил, не без этого, но без папиных денег все равно бы ничего не вышло. Так что сразу после празднования защиты диплома Анна и Пашка должны были прыгнуть в самолет – и на знаменитый остров Сулавеси, исследовать пещеры с древнейшими наскальными рисунками.

– Пашка, вот не поверишь, – год назад говорила Анна, когда интерес к этому острову только еще начал зарождаться у нее в голове. – Я ведь о Сулавеси ничего не знала. Случайно заметка попалась, причем не в интернете, а на столе в аудитории. Газету там кто-то забыл. Газету, представляешь? Кто сейчас вообще газеты читает? Заметка совсем короткая, а фото расплывчатое. Человек-птица на стене в пещере, самый древний в мире антропоморф, человекозверь. Я бросилась в сотовом в интернете искать, а когда снова на стол посмотрела – газеты уже и нет. Чудеса какие-то!

4

Остров Бали растворяется в дымке за окном самолета. В аэропорту было время только на то, чтобы пересест с одного самолета на другой,

так что красоты курортного рая остались далеко внизу, но это неважно. Главное – таинственный остров Сулавеси – ждало их впереди.

– Понимаешь, Пашка, – Анна с трудом заставляет себя оторваться от иллюминатора, – загадка пещер Сулавеси – это человекозвери. Нужно обязательно увидеть пещеру Леонг Булу Сипонг с человеком-птицей. Наша группа туда не поедет, а мы с тобой до нее доберемся. А еще поищем там отпечатки рук доисторических художников. Они во многих пещерах на Сулавеси есть. И там должны быть. Сделаем открытие.

А еще об одной странности этой пещеры Анна не сказала. Рядом с изображением человека-птицы была нарисована палка, увенчанная птицей, – возможно, древний шаманский жезл, с помощью которого призывали духа охоты.

– Что странного в этих человекоживотных? – добродушно спрашивает Пашка.

– Странно то, что сорок пять тысяч лет тому назад люди еще не могли придумать такого, когнитивно они еще не были готовы к такой игре воображения.

– Ты же не хочешь сказать, что они человекозверей на самом деле видели? Или это были инопланетяне, эти твои антропоморфы? – улыбается Пашка.

– Ну да. Или же древние, в отличие от нас, умели видеть духов. — Она старается отшутиться, но получается мрачновато, потому что в голове скрежещет давно знакомый хриплый, царапающий голос.

«Духи приходят извне».

– Неважно, как мы их назовем. – Анне кажется, что ее слова – это эхо чужих слов. – Главное, они были совершенно инородны миру доисторического человека. Словно шагнули в него откуда-то извне.

«Дверь между мирами», – скрежещет голос и затихает, оставив после себя такую острую боль, что голова начинает кружиться.

Пашка торопливо лезет в карман за таблетками, увидев, как она побледнела. После голоса боль особенная, мир становится блеклым, незнакомым, похожим на огромную клетку, на аквариум, в который заглядывают чьи-то чужие глаза. Ужасно еще и то, что голос никогда не отвечает на ее вопросы. Просто говорит что-то свое, так, как это бывает при шизофрении. Анна о голосе никому никогда не рассказывала, хотя о шизофрении прочитала все, что только можно. Она упорно молчала о своем безумии, боялась испугать Пашку, потерять его. Он ведь понятия не имеет о том, насколько хрупко их счастье.

Для себя она решила, что эта поездка станет ее испытанием. Если древние умели призывать духов, призовет своего духа и она. Около человека-птицы и его странного шаманского жезла. Если голос наконец ответит ей, вступит в диалог, а не просто будет говорить странные вещи, значит, она не больна. Лучше уж признать существование духов, чем считать себя больной.

Из забытья ее вырывает сообщение пилота, говорящего на ломаном английском:

– Дамы и господа, не волнуйтесь. Самолет совершит еще один круг над аэродромом Макассара, прекрасной столицы Южного Сулавеси, прежде чем сесть. Задержка будет всего на несколько минут. Над аэродромом большая стая птиц, мы будем садиться, когда стая пролетит.

Анна с трудом разлепляет глаза и выглядывает в окно. Над Сулавеси сияет ясное небо, а внизу все черно от птиц. Ей даже кажется, что несколько птиц сидят на крыле самолета, она смаргивает – и видение исчезает. Никакие птицы не могут на такой скорости опуститься на крыло, и все-таки ей чудится блеск их черных глаз, немигающих, при- стальных, оценивающих.

5

В Макассар Анна и Пашка прилетают самыми первыми. Австралийцы из университета Сиднея прибудут только через два дня. Москвичи подтянутся через сутки. А пока – весь день в их распоряжении.

Группе предстоит отправиться в археологический лагерь в одном из национальных парков Южного Сулавеси, но до этого Анна и Пашка решают добраться до пещеры Леонг Булу Сионг с человеком-птицей, которая находится всего в часе езды от Макассара.

Чемоданы закинули в студенческий хостел, прихватили только легкие рюкзаки и взяли такси. Автомобильная дорога ведет вдоль побережья, сияющего почти безлюдными пляжами и песчаными отмелями. С другой стороны предгорья врастают в горы, парящие в дымке вдаль.

Парковка, у которой начинается тропа к пещере, совершенно пуста, видимо, в это время дня уже поздно для прогулок по джунглям. Шагают на тропу. Свисающие с деревьев мхи, окаймляющие ее, кажутся настоящим преддверием пещеры.

Джунгли полны тихих звуков, но в какой-то момент издалека начинает доноситься монотонный шум, заглушающий не только бормотание джунглей, но и голоса Анны и Пашки. Сначала шум похож на жужжание, а потом перерастает в почти невыносимые птичьи крики. Небо накрывает тень огромной стаи, которая пронесится над головами у путешественников.

– Та же стая, что ли? – бормочет Пашка.

Тропа выскакивает к пещере как-то сразу, без подготовки. У распахнутого черного зева стоит табличка с названием пещеры, информацией под стеклом и просьбой ничего не трогать. Решили присесть на камни у входа и выпить воды из термосов.

День вдруг меркнет, понятно, что скоро солнце будет садиться. Следует торопиться, но Анна медлит. Оглядывается площадку перед входом в пещеру.

– Смотри! — Она задыхается от неожиданности. Все деревья, окружающие поляну, усеяны черными птицами. Но самое странное то, что птицы сидят совершенно молча.

Анна пересаживается к Пашке на колени и обнимает его. Прижимается, прячась от птичьего соседства. Пашка ласково гладит ее по спине, потом вдруг поднимает ее испуганное лицо и целует в губы. В этом поцелуе сила страсти, и все в Анне откликается на зов. Окружающий мир отступает, она начинает тонуть в Пашке, в его пронзительном тепле, в ласке его рук, в знакомом влюбленном шепоте.

А потом вырывается, вскакивает.

– Нет, Пашка, не могу. Эти птицы смотрят.

Пашка сдавленно кашляет, но не спорит, тоже встает и подхватывает их рюкзаки. Они шагают под сень пещеры.

6

– Зверь рядом. Мы чуем его.

– Здесь мы пришли в мир людей. Тогда люди боялись и ненавидели много и легко. Их души и страхи были одним сплошным пиром для нас. Помните?

– Мы помним.

– Если Зверь рядом, то где?

– Сейчас он везде. Он слушает, что она скажет, о чем подумает. Он знает, что проход между мирами близко. Он догадался.

– Нам не получить ни крошки его силы, если он не примет облика. Но как нам узнать, в чьем он облике? Он может быть летучей мышью, пещерным котом, змеей.

– Когда ему что-то нужно, он даже человека может натянуть на себя как перчатку.

– Мы пойдем! Нам просто надо наблюдать, и мы пойдем. А когда его охватит гнев, мы напитаемся его силой.

7

Включили фонари и медленно идут вглубь пещеры, освещая стены в поисках заветного рисунка. Ага, вот и он. Сначала увидели нарисованную красной охрой толстую свинью. Анна лихорадочно водит лучом фонаря вокруг, пока наконец не выхватывает из тьмы рисунок с птичьим человеком и жезлом у его ног. В уши врывается торжествующий птичий крик. Что это? Стая кричит снаружи?

Пашка подходит сзади.

– Довольна?

Но Анна ищет еще кое-что. Отпечатки доисторических рук.

– Пашка, ищи отпечатки рук.

Пашка послушно скользит фонариком по стене, а потом тихо ойкает. Высоко над головой, под выступом, уходящим куда-то в темноту, он видит что-то белое. Анна подходит, присматривается и выдыхает сквозь зубы. Там висят паутинные свертки с шевелящимися внутри насекомыми.

– Что за дрянь? – бормочет Пашка. – В пещерах есть насекомые, но не столько же! Что за паук их всех запеленал?

А Анна смотрит и не может прийти в себя. Паутинные свертки один в один как тот сверток, который она видела в детстве на даче.

– Я такой уже видела. Но как точно такие же здесь оказались?

– Смотри, – снова выдыхает Пашка.

Под свертками на высоте Пашкиной головы видны еле заметные отпечатки человеческих рук.

– Ты их искала?

«Руки – дверь, – говорит знакомый скрежещущий голос в сознании.

– Проход между мирами. В прошлое тоже».

Голос хочет, чтобы она приложила ладони к отпечаткам рук, так получается? Шагнула в прошлое? Туда, где она уже видела похожие свертки, где было что-то еще очень важное? Ну почему голос никогда и ничего не говорит прямо?

В голове нарастает то ли боль, то ли шум. Кажется, что птицы снаружи кричат все оглушительнее. О чем? Чтобы она никуда не ходила? Нельзя трогать дверь? Опасность?

Пашка снова показывает на паутинные свертки. Они дергаются так, как будто что-то рвется из них наружу.

– Куколки, куколки, – говорит голос, но теперь он почему-то звучит не в ее голове, а в пещере, рядом с ней. Неужели это Пашкин голос так изменился?

«Тронь куколку, и она тронет тебя», – всплывает в памяти.

Пашка вдруг тянется к отпечаткам рук.

– Нельзя, Пашка, нельзя!

Анна отталкивает его от стены и, подхватив с пола камень, принимается бить по отпечаткам изо всех сил, стирая их со стены, калеча древние артефакты.

Пашка рычит и вырывает камень у нее из руки. Анна вскрикивает от неожиданности и направляет фонарь прямо ему в лицо. Лицо не Пашкино. Оно искажено такой яростью, что вообще непохоже на человеческое лицо. А потом он выбивает у нее из руки фонарик, и тот со стуком ударяется о стену.

Анна бросается к выходу из пещеры, спотыкается о фонарик, падает, ударившись головой о пол. Чудовище хрипит сзади, и Анна кое-как приподнимается и ползет. В темноте она, видимо, теряет направление и утыкается в стену. Чудовище пытается нашарить ее, хватая за ногу, но Анна подтягивается за выступ на стене, выдергивает ногу. Как-то она лезет по стене, все выше и выше, а чудовище бьется внизу и скрежещет.

Наконец она повисает на чем-то белом, липком, слизистом и пытается отдышаться.

В пещере тихо. Темнота каким-то странным образом отступила, сменилась полутьмой. Анна довольно высоко, она видит пол и на нем две фигуры. Смотрит она сквозь что-то белое и почти прозрачное.

«Паутина», – думает она.

Она шевелится и понимает, что рядом с ней тоже что-то шевелится в ответ. Свертки. Рядом с ней висят паутинные свертки, она в одном из них.

Снизу вдруг слышатся какие-то звуки. Человек стоит на коленях и тихо плачет, раскачиваясь из стороны в сторону, обхватив себя за голову руками. Пашка. Рядом с ним лежит что-то темное, страшное, с разметавшимися волосами.

«Я здесь, Пашка! – хочет закричать Анна. – Ты ни в чем не виноват. Просто вытащи меня из свертка».

Но Пашка все плачет.

А Анна вдруг понимает, что все, что нужно было сделать тогда в детстве – это вытащить насекомое из паутины. Почему она этого не сделала? А теперь – поздно.

Мария Ровная СТИХОТВОРЕНИЯ

ПАУТИНА ПУТЕЙ

Паутина путей в росинках звёзд,
И граница – нигде, а центр – ты.
Это – исчезновение. Это – рост.
Сплетены все пути из пустоты.

Череда клоунад, оплат, утрат
Не похожа на Дао юных грёз.
Мир играет с тобой, мой бедный брат,
Стоит ли принимать его всерьёз.

Всё не веришь, что «знать» равно «не знать»,
Всё пытаешься свет зажать в горсти,
Половину хлопка нарисовать.
Всё читаешь, как эпос, травести.

Не горяч и не хладен, не худ, не толст,
Ненаписанный лик, молчащий стих,
Только подписью ты пятнаешь холст.
Распадается мир в руках твоих.

Рассыпается пылью всё, к чему
Прикоснётся твой ум, кинжально остр.
Ты с твоими «зачем» и «почему» –
На оси бытия трофейный ростр.

Рассыпая бубенчиковый звон,
Через эры дорог и бездны лет
Ты, мотнув головой, уходишь вон.
Ты вернулся домой, а дома – нет.

Я сижу, припав спиной к ледяной стене,
Я смотрю на них – любимых своих детей.
Как же тихо... и запах смерти, язв и венков.
Неподвижны рыбки в улове чумных сетей.
Помолилась бы – только нет подходящих слов,
А какие в молитвах есть – те совсем не те...

Знаешь, Бог, я тебя не помню, не узнаю.
Как-то мутно мне будет в этом твоём раю.
Как-то подло, ложно, неуютно и мерзко,
Под симфонию боли фоном в земном краю.
Разве ангелы от этой фальши не устают?
Если только память стереть... ну разве что – если.

В сердце кровь стучит, как чёрный морской прибой.
Мне неважно с кем – да только бы не с тобой.
Скоро полночь, над перекрестком встает луна.
Есть кому отдать свою верность и свой покой.
Может, есть тот Бог, для которого жизнь ценна...
Только он, похоже, такой же, как ты – глухой.

ЧУЖАКИ

Попробуем печалям начала перейти.
Мы связь времён расчалим – и путы, и пути –
и по траве радушной свернём куда-нибудь,
и ночью нас ракушкой укроет Млечный Путь.

Никто не обернётся: нас ловят по прямой.
Петля как придётся, запутав круг земной,
мы на листе в линейчку, что расчертил нам рок,
ехидное словечко напишем поперёк.

ХЕНОБОСКИОНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ФОМЫ

«Если вы поститесь, вы зародите в себе грех, и, если вы молитесь, вы будете осуждены, и, если вы подаёте милостыню, вы причините зло вашему духу».

Твоих слов живую феерию
Я укрыл у себя в горсти.
Никому, ничему не верю я,
никому не отдам, прости,
огонёк твоей мысли, бог мой.
Прочь от мёртвых глиняных тел.
Я не дам тебя сделать догмой.
А молиться ты не велел.
Ни единой твоей приметы
Не оставлю им, сын ничей.
Мы уйдём с тобой в небыль, свет мой.
И за нами пусть ночь ночей
подползает тысяченого.
Пусть не будет света ни в ком.
Пыльный полдень. Пустая дорога.
В драной симле и босиком,
По осколкам мира – обратно
в мою душу нисходишь ты.
Дай, вложу в твои раны, брат мой,
исцеляющие персты.

Сергей Шоня СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ АНДЕГРАУНДА 90-Х

В весенней радости швырнул в окно я «душу»,
разбившись об асфальт гуляющих влюбленных
пустой бутылкой, выпитой до суши
в кругу случайных встреч и лиц знакомых.
В окно взглянула ночь – и почернела,
глазами фонарей смотрела слепо,
в вечерней горечи пустил я тело
на перекресток с миром не ответных.
Там снизу смерть кружила с мотыльками,
смеясь над жизнью, бесконечно малой,
а над заброшенными облаками
лежала бездна пылью неубранной.
Под стук надменный, забывая гвозди,
пел гробовщик о нежности любовной,
я слышал маятник, и было поздно
остановить ужасный ход спокойный.
Река отчаянного сожаленья
текла песками времени отсчета...
Тут я очнулся: утро, стены,
суббота.

ВЕЧЕРНЕЕ

Вечер в совокуплении с ночью рождает дрем.
Сладостное зеванье. Кусок выпадает из рук.
Стук. Это сосед по изгнанию
принес найденный в поле хрустальный звук,
утерянный тайной.
Смех. Это где-то вдали
нас ищут враги, сойдясь в легион.
Шаги. Уморенный гонец отдает поклон
и падает навзничь. Знаешь,
я раньше не думал, что ты
можешь вылепить из пустоты
дивный сон, где под маской вечерней,
размытый, застыл лик Вселенной...

ЭСТЕТИКА НИМФ (Поэма-сказка)

Еще немного, и наступит ночь.
Блажен,
но буду завидовать, жалок,
когда в молитве циркового пения
растворится время,
отпустится одиночество,
когда свечи – огоньки зажигалок –
зажгутся,
когда купол цирка свернется,
чтобы уехать прочь.

Ночь,
и ничего, что одиноко дико,
холодно,
а ты все гуляешь, не спишь,
только на улицах тихо.
Это ветер проповедует
евангелие афиш.

* * *

Заблудившиеся во взрослом дети
пропадают вечерами на шумных улицах.
Их голоса – голоса дорог,
и фейерверков звезды – это смеется тот,
кем было вверено бродячим циркам
стать хранителями таинства времени.

* * *

Я могу поделиться тайной,
как прощаются одинокие,
вместе с ней ты узнаешь мир
без смерти, без времени,
когда сны станут истиной.

* * *

Заканчиваются праздники,
и все факиры и лошади
остаются в ладони.
Дети ложатся спать,
складывается картонный город.

* * *

Ты грустишь.
В тишине
напевает пастух Париж,
и звезды падают с неба
на мост Мирабо.

* * *

Август,
песок сквозь пальцы Будды,
прощай, Вудсток!
Руины сентября.
За касанием
времени
зеркала
распускается
ветка
сирени.

* * *

Вечер,
закат катится к черту на кулички.
Вездесущий отшельник неба
спускается ниже.
Калитка, тропинка, ветхий мост,
и бесцельно
паломничество к ручью.

* * *

Нечему больше поклоняться,
свободным от себя в небе парить.
А ты в кружевах лепестков,
как дитя, невинная, смеешься,
и так улетает лето, знаешь,
тебе это очень идет.
Забавою будет праздник равноденствия,
единственный миг только помнить.
Так тысячи лет шли к нему за советом,
и только у дерева листья легли на землю.

* * *

Ранние мгновенья осени,
ночной пилигрим уходит все позже.
Сказка о доме,
в ней ты с распущенными волосами.
Ночь, чтобы видеть сны,
день – чтобы радоваться!

* * *

На пороге осени цветы новых времен.
День в летописи лет по-своему несбыточен,
он просто замер.
Что слышали травы, что помнят деревья...
Теряется след за нами.

Елена Седерей-Воякина ПЕСНЯ КОСМИЧЕСКИХ РОМАНТИКОВ

Здесь тишь и уют –
Два солнца поют
Восход.
И все как один,
Мы в космос глядим
Сквозь гелий и водород.

Раз в пять земных лет
Бывает рассвет
У нас.
Блестят как роса
Слезинки в глазах.
Дай руку мне, друг, сейчас!

Да будет доброй во вселенной наша слава!
Мы – неустанные искатели чудес.
Нас манят путешествия с масштабом
И приключения с мечтой наперевес.

Мы внуки Земли
Мы свет сберегли
Творца.
Сияньем любви
Те дали полны,
Где бьются наши сердца.

И мыслью одной
Как меткой стрелой,
Любя,
Мы можем постичь,
То, что достичь,
Ещё предстоит, друзья.

Да будет доброй во вселенной наша слава!
Мы – неустанные искатели чудес.
Нас манят путешествия с масштабом
И приключения с мечтой наперевес.

Валерий Сиднин СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

туман бронхиальный каверны больных фонарей
и кашляет грач в буерачном глухом понизовье
реликтова осень – погожая чудо-форель
беззвучно искрится в тумане и тщетно на зов её
ломиться на ощупь сквозь призрак бесплотной стены
где только и есть осязаема зыбкая морось
не ловится рыбка на лунную бляшку блесны
и свет увильнул – худосочный пескарик заморыш
рак мрака всё крепче и крепче смыкает клешню
на сонной артерии светлого тёплого чувства
опара суглинка распёрла колдобин квашню
трахеи забиты и чувство вот-вот окочурится
прозектор утробу набил перепрелой листвой
терновой иголкой ледяные обрывки сшивает
и за упокой лишь скатился в овраг лисий вой
и медленно-льдисто каверна луны заживает

* * *

поменяю структуру воды
поглотаю прозрачной еды
параллельные перекрещу
эхо во поле перекричу
это лето как есть доживу
вопреки этим всем дежавю
стану молнии ловко ловить
взгляд вонжу в этих лет коловертъ
и завжикают живо стрижи
виражи куражи это жизнь
анно Домини-месяц-число...

Слава Богу! Опять пронесло!..

* * *

не бойся сумасшедшего в себе!
он высшего достоин понимания
ведь в сущности искусство – та же мания
не бойся сумасшедшего в себе

не отрясай с обугленных ресниц
ни явь ни сон раздвинь воображение
воюй права на самовыражение
твори мечтай усни и вновь проснись
юродствуй смейся дурочку валяй
побудь петрушкой и царём гороховым...
ведь в мире всё немного скоморохово –
иначе бы не выжила земля

Анастасия Кузьмичёва
СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

**Зачем вам море?
У вас же есть небо!**
Ребёнок

Не завидуй тем, кто видит море,
Пусть его краса и велика.
Зависть ни к чему – ведь над тобою
Глубина небес и облака...

Громыханье гроз и волны света,
Звездные приливы, шум ветров...
Небеса хранят в себе все это,
Описать их не хватает слов.

Подними глаза – и просто рядом
Синевой взмахнут тебе шутя...
Сможешь их коснуться нежно взглядом
В тихом вальсе с радугой дождя.

Стоя на земле, посланье пальцем
На небесной глади напиши
И душою навсегда останься
В волнах голубых с названьем «Жизнь»!

* * *

Что тянет к земле? Или крылья малы?
Возможных ответов – завалы бумаг.
Я вижу тебя у подножья горы.
Ты верил: к вершине добраться – пустяк.

Летаю вокруг. Ну, еще раз. Не трусь.
Иди без сомнений вперед. Торопись.
Я радость сменила на тихую грусть,
Лишь взглядом пронзая щемящую высь.

Ведь ты – мое солнце. Предай?.. Отрекись?..
Тебя ожидая, всплакну в тишине.
И красками неба художника кисть
Раскрасит минуты мои... как во сне...

* * *

Стоишь, не двигаясь навстречу,
А я иду к тебе. Бегу.
Ты вспыльчив, резок, опрометчив,
Следов не видишь на снегу.

Упрямством ты лицо раскрасил,
В глазах видна печаль твоя.
Ты сам себе порой опасен,
Страшась улыбок как огня.

Но я иду к твоим тревогам,
Тебе я небо покажу.
И станет радостью дорога.
И снимет солнце абажур...

* * *

Упавший кусочек счастья
Достанется пусть другому.
Хоть я по нему скучаю,
Но прошлое не вернуть.
Я буду идти по страсти,
Но руку подам любому.
Налью нам с тобою чаю
И в небо направлю путь.

Хоть радость моя с изломом,
Ее обнимаю нежно.
А доблесть своей улыбки
Я всем раздарю вокруг.
И песня моя со звоном
Летит в синевы безбрежность,
Качая наш воздух зыбкий
Любовью. Спасибо, друг.

За мною летят все птицы,
И ветер меня жалеет.
Иду, собирая перья
Для крыльев своей мечты.
Пусть снегом тропа искрится
И пусть иногда болею.
Летать я давно умею,
Ищу для прыжка мосты.

* * *

Вновь спрятавшись за грудой листьев,
Бродячий кот мне смотрит вслед.
Всё разукрасив рыжей кистью,
Ноябрь присел на табурет.

Устал немного, задождился.
А может, просто снега ждет.
И кот в меня, видать, влюбился:
Всё смотрит, глаз не отведет.

А на столе тетрадь и ручка,
И мыслей красочных табун.
Сидит на люстре мистер Случай,
Играя пересчетом лун.

* * *

Время скручено, переверочено...
Поворотами скомкана жизнь.
Сны летают, слова между прочего...
Ты в погоне за днями держись!

И не бойся терять. Бережливостью
Не спасешь одиночества слез.
Бродит дикая радость, с пугливостью
Формулируя нужный вопрос...

Но ответов веками не найдено.
Ариадны разорвана нить.
Веет ветер рассветово-свадебный,
Дабы ветви надежд шевелить.

ЛУНА

И только полная луна,
Задумчиво присев на крышу,
Увидела, как из окна
Отчаянье с печалью дышат.
И смотрят, смотрят в облака,
Молчанием крича во взгляде.
Луна расстроилась слегка:
«Такая боль – чего же ради?»
Глаза в окне ласкали ночь.
Луна беседовала с ветром.
Но как хотелось ей помочь
Истории души и света.
И встретив радостный рассвет,
Стыдливо заглянув в оконце,
Луна увидела ответ...
Лучом ее схватило солнце.
Луна не знала о мечтах,
Не знала, что любовь жестока.
Увидела: смывает страх
Слеза. Лежат стихи без толка...
И смотрит на нее опять,
Но улыбается надежда.
Умение всегда летать –
Подарок, а не жест небрежный.
Луна вздохнула и ушла
До вечера. Грустить на туче.
Не знала многого она...
Но, может, для нее и лучше?

* * *

Песней мне молитва снится,
Переключкой с тишиной.
Машет крыльями, как птица
И летит, летит за мной.

Каждым словом неслучайным
Сердце мне целует свет,
Гладит волосы печалью
И летит, летит к Тебе.

Я молюсь о разном, честно.
Слышу музыкою звон.
И летит душа, как песня.
Всё летит к Тебе сквозь сон...

* * *

Забутонели все мои радости,
Раскрываются листья-стихи.
Дни шагают в привычной парадности,
Собирая молитвы, грехи.

Обернулась весна нерадивостью.
Вновь окрашена лавочка жизнь.
И брожу тротуарною милостью,
И смотрю в небесах миражи.

Я опять перепутала камешки
Одиночества с честностью сна.
Поиграю в ночи с ветром в ладушки,
Когда буду стоять у окна.

Из цикла «Я – Она»

* * *

Сказало небо: «Будь смелее!»
Ты не поверил. Ждал звезды.
Вот ветер звезды все развеял –
Как мне теперь узнать, где Ты?

Дожди к тебе стучались шумно.
Ты шторой закрывал окно,
И осторожный проблеск лунный
Не виден был, когда темно.

Деревья листьями качали,
Я шла к тебе тропой преград.
Сквозь все неровности печали,
Сквозь всех своих ошибок град.

Тебя узнаю однозначно.
Иди навстречу через грусть.
Рассвет фатою новобрачной
Укроет нас с тобою пусть.

Маргарита Репаловская ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Человек без лица как-то рано постарел. Всех, с кого нечего было взять, он откровенно презирал. С тех, с кем взаимодействовал, всегда старался урвать в разы больше, чем дать взамен. Наглость и агрессия были главными методами для достижения его целей. Видя успешных людей, он хотел быть среди них; точнее сказать, выше всех их. Среди одаренных – быть талантливым. Видя настоящую дружбу, заменить друга. В любви, правда, он просто хотел, чтобы любили только его самого. Любить он боялся, это как-то не по-взрослому, хлопотно, да и гарантий никому не дает. То ли дело деньги.

Женщин у него было немало, самым главным во всех отношениях было встретить восхищающуюся им даму с хорошим приданым. Только дураки женятся на бедных девушках, умные люди выбирают ту, за кого дают больше баранов, считал он. Да и какой толк от бабы, у которой нет ничего за душой. Она обязана приносить пользу, и раз уж он решился одарить ее своим драгоценным семенем, ребенком, должна быть бесконечно счастлива и благодарна ему за всё! И да, такие находились: отчаявшиеся родить, в надежде на последний шанс, уступали его грубым, бесцеремонным ухаживаниям.

Официально брать на себя обязательства он не хотел, в основном рассказывал красивую историю о вечной любви и счастье. Мол, никогда в жизни он никого так не любил и уж это точно навсегда. И, конечно, в возлюбленного ей необходимо было вкладывать собственные энергию и средства, ведь это все для их семьи. Закрыв очередную серию долгов, решив проблемы за счет статуса и денег новой гражданской супруги, интерес к ней он внезапно терял. Внезапным, правда, это было лишь для нее, оставшейся в одиночестве, у разбитого корыта. У него так было всегда: подобно артисту на сцене, в каждых отношениях он отыгрывал роль и уходил восвояси. Широко гуляя на деньги женщины, свою собственную копейку прятал.

Стоило кому-нибудь из его знакомых выбиться в люди, начать хорошо зарабатывать, получить успех или славу, человек без лица был тут как тут. Он изображал уважение и внимание к персоне счастливица и бросался предлагать помощь в его продвижении. «Ты очень много трудился, пора бы тебе отдохнуть» или: «Я познакомлю тебя с очень полезными людьми». У него всегда находился предлог для якобы безвозмездной помощи.

Роль лучшего друга особенно ему удавалась, люди верили в его доблесть и бескорыстие, в то, что он этакий рубаха-парень, готовый в любую минуту прийти на помощь. Упускали одно: помогал он лишь когда человек был на коне и в помощи его совершенно не нуждался.

Увидев сильных и талантливых покровителей своего нового друга, он мгновенно навязывался в друзья и к ним. Внимательно считал заработки всех и каждого, прикидывая, как перевести эти потоки избытка в свой карман. Всячески напрашивался на комплименты, изображая галантного и благородного мужчину. Ни умным, ни физически одаренным, правда, не был, что многим бросалось в глаза, зато хорошо изображал старательного и подающего надежды. Его учителя и сторонние наблюдатели говорили о нем так: «Старается очень, прогресса пока не наблюдается».

Наивные учителя и друзья самозабвенно продолжали вкладывать в него свое время, терпение и средства, но все рано или поздно сталкивались с проблемой, которая всю жизнь ставила жирную точку во всех его отношениях с людьми. Получив первый едва различимый результат своих стараний, он забывал, что достиг его благодаря не только собственному труду, но и упорству, и наработкам коллектива. И пока все делили свои буханки с ним поровну, он, заработав собственный кулич, не давал никому ни крохи. Более того, теперь он придумывал новые условия сотрудничества, по которым все должны были скидываться и платить ему за участие в общем проекте. У него было до тяжелых судорог большое эго, слишком высокое самомнение.

Достигнув успеха, он мгновенно забывал о тех, кто протягивал ему руку помощи, считал, что теперь справится сам. Никогда не ждал, что его заметят и полюбят, боролся, расталкивая всех на пути, и брал чужое: лицо, изобретения, деньги. В какой-то там дар или талант не верил, брал всё силой, стремился к власти, был уверен, что именно они правят миром. Пока другие трудились, создавая что-то свое собственное, охотился, отнимал лакомый кусок у тех, кто был слабее его. «Слабый должен быть голодным», – любил повторять он.

Собственное лицо увидел в раннем детстве и плюнул в зеркало: «Не то». Принимать себя – наука непростая, проще играть чью-то роль, уж точно лучше, чем они это делают сами. Всегда завидовал уверенным в себе и честным – им, конечно, легко никого из себя не строить, просто быть собой. Никогда так не делал, всегда носил маску.

Годы складывались в десятилетия, лысину скрывать было все сложнее. Жирное тело никак не поддавалось играм разума и безобразно торчало из-под серой рубашки. Когда-то он был молод, сейчас ему уже далеко за сорок, сверстники давно женаты, воспитывают детей, некоторые – внуков, а он так и не повзрослел. Самым главным в

его жизни было во что бы то ни стало навязать себя обществу. Ради этой цели он готов был идти по чужим головам, лишь бы ни в коем случае не дать никому его превзойти, добиться в жизни чего-то стоящего. Что в жизни действительно стоящее, он не понимал, все время смотрел на других: для одного важны деньги, и вот он уже гонится за каждой копеечкой, работая круглосуточно. Для другого – дружба; что ж, значит, и ему она нужна. Третий творчеством хвалится, а он тоже может. Главное – доказать всем вокруг, что он самый лучший, самый одаренный и всем необходимый, а весь этот бранный мир крутится вокруг него одного.

Его не любили и откровенно высмеивали. Нужно быть очень самоуверенным, чтобы не ждать отмщения, предавая одного за другим. Время неумолимо заканчивалось, каждый раз, проходя мимо зеркала, он украдкой мечтал, что однажды в него заглянет, но увидеть очевидное для других и абсолютно неизвестное самому себе было страшно. Даже там, в своей голове, он боялся заглянуть в трюмо, да что там в целое трюмо – и в маленькое зеркальце заднего вида своей воображаемой машины.

«А может, я циркач безликий? – успокаивал он себя. – Кому-то и развлекать публику надо, грустить не всем. Буду играть страдальца, этого грустного парня, которому просто не повезло в жизни. И почему вообще у каждого должно быть собственное лицо? Что за глупая мода!»

«Меня никто не любит! – орал он в пьяном угаре. – Все бабы стервы! Ненавижу, не хотят твари признавать во мне великого гения!»

Зеркало разбил, и даже смотреть в осколки было стыдно. «Твари», к слову, все как одна, пожав плечами и покрутив пальцем у виска, встречали нормальных мужчин и навсегда уходили.

Играя чужие роли, человек без лица многому научился, приобрел немало полезных знакомств, преуспел материально. Одному научиться никак не мог: искренне смеяться и спать по ночам спокойно. Не зная вкуса собственного хлеба, он постоянно завидовал всем вокруг. Ненавидел все человечество за то, что так и не смог стать таким же, как другие. Если бы был какой-нибудь шанс взять и разом уничтожить всех этих жалких и ничтожных людишек, тогда бы ему точно повезло, и он был бы счастлив. Настоящее удовольствие он получал только когда видел, как его друзья падают, расшибая лбы, получают ссадины и синяки.

Роль палача, Брута, удавалась ему лучше всех. С садистским удовольствием вонзал он нож в спину ослабшему другу, бывшей возлюбленной, приятелю. Тут он был настоящим героем, в самом центре всеобщего внимания.

«Я же говорил, что ты ничтожество! Ты никогда ничего не добьешься в жизни. Зло всегда побеждает», – говорил он с особым цинизмом тому, кто упал, искренне ожидая, что наконец-то получит уважение и сочувствие общества.

Какими же были его изумление и шок, когда раз за разом он за свою жестокость получал ненависть и презрение тех, кто так же, как казалось ему, бил слабого. Люди внезапно становились на сторону последнего, протягивали ему руку, делились хлебом и прощали. А его, палача, вышвыривали за дверь, навсегда отняв ключи от нее.

Сколько бы он ни знакомился с новыми и новыми людьми, мысленно оценивая, чем может быть ему полезен каждый из них, у него так и не появилось ни одного по-настоящему близкого человека.

«Дураками свет полнится», – рассуждал наш герой и продолжал заводить новые перспективные знакомства, в поисках тех, кто поможет ему стать более богатым и успешным. Полнится-то он полнится, да только вместо того, чтобы возвращать эго, ему стоило больше трудиться. Трудиться он не желал. Он это называл: «Любите меня таким, какой я есть», злился ужасно, когда очередные знакомые бросали его, разводя руками.

«Мы даже не знаем, кто ты. Кого именно нам любить?» – робко интересовались некоторые.

«Просто восхищайтесь!» – требовал он.

Все мало-мальски адекватные и вменяемые люди рано или поздно прекращали с ним общаться. Его нескончаемые попытки навязать себя обществу всем уже давно надоели. Рассказывали друг другу очередную историю его нового позора и качали головами. То там, то тут был слышен хохот. Однако он не понимал, что смеются над ним, ему казалось, что он идеально притворяется таким же, как они. Вот только они просто были собой, а он быть ими не мог. Мир устроен так, что кого бы артисту ни приходилось играть на сцене, он рано или поздно смывает грим и возвращается к себе самому.

Очень много сил и времени потратил человек без лица, регулярно меняя маски и обличья. Поседев и обрюзгнув, остановился на той первой, которую надел еще в детстве, маску обиженного мальчика, надеясь надавить на жалость людей и снова навязать им свою компанию. Заниматься саморазвитием не хотел принципиально.

* * *

Проснулся он среди множества осколков битых зеркал, посреди пустыни. Протер глаза и осмотрелся: вокруг слонялись какие-то люди.

– Никак не могу рассмотреть твое лицо, – обратился он к мужчине, стоявшему неподалеку. – Подойди ближе.

- И я твоего не вижу, – буркнул тот и пошел прочь.
Подняв осколок зеркала, человек посмотрелся в него.
- Ничего не отражает, – с недоумением сказал он. – Дайте мне нормальное зеркало кто-нибудь, – добавил уже тише. – Вот вы, – обратился он к серому прохожему. – Вы меня видите?
- Вижу, – ответили ему.
- Какое у меня лицо?
- Ты что, новенький? Здесь у всех его нет, – махнул рукой прохожий и пошел дальше.
- Но как же я буду носить маски, если ни у кого нет лиц? – догнал он мужчину.
- Так и будешь, все мы здесь так живем. Ни рассветов, ни закатов, даже смерти нет. У нас безликие артисты поют безликие песни, безликие актеры играют неинтересные роли, безликое правительство издаст тупые законы. Дни смазанные. Здесь никогда ничего не изменится, менять некому. Потому что меняют мир только счастливые обладатели настоящего и единственного своего собственного лица.

Weiss Toeden ВИДЫ ОГНЯ

Костер освещал физиономию Буянтувшинцэцэг, обрамленную двумя плетеными прядками, в которых бус и ниток было больше, чем волос. В казанке булькал суп. Монголка скоблила дикие корешки и по кусочку кидала в варево, наклоняясь к жару.

Ночь вечной мерзлоты – она длинная, как хребет нерпы, поэтому суп свой Буянтувшинцэцэг заваривала обстоятельно. Спешить тут некуда.

По другую сторону костра сидели пришлые. Один был тих, как суслик, но второй ни на минуту не затыкался, еще и колотило его, вишь, как будто не хватало тепла ни от огня, ни от куртки на меху с офицерскими знаками различия, ни от пилотского шлема:

– Я пытался поверить, что нет никакого врага, никакого Хтонища. Это было единственным рациональным выводом – что я обманывался игрой теней от кислородного голодания. Мифологема, слепок, архетип – он должен был умереть вместе с моей верой в него!

На стеклах его очков-консервов блестело и тряслось отражение пламени. Монголка подумала о том, что лицо гостя к таким переживаниям непривычно, так как даже сейчас, искаженное страхом и злобой, не казалось изрытым. Как будто обладатель умывался росой, утирался облаками.

– То есть ты хотел бы убить его, старший лейтенант Ансельми? – осторожно спросила она.

– Что за глупый вопрос! Разве у меня есть выбор? А может, я и убил его, как проверишь!

Буянтувшинцэцэг достала из корзины горсть мелких луковок и стала обдирать от шелухи, одну за другой. Очистки липли к ее бурке, расшитой черными и белыми нитками, но монголка не обращала внимания на такую мелочь. Потом можно всё сразу стряхнуть.

– Э, лейтенант, не сердись ты так на дремучую женщину, это тебе не к лицу, – сказала она, опустив луковицу в казан. – А что, шибко Хтонище докучливое?

Ансельми издал короткий смешок:

– Докучливое! Прилипчивое, словно напалм на голую кожу – вот так понятно, а? Скажешь тоже... Одно слово, глушь.

– Ты расскажи, – посоветовала Буянтувшинцэцэг, – глядишь, полегчает.

Булькнула еще одна луковка. И еще одна. Поднялось над котелком облачко пара, мясистого на запах. Тогда только Ансельми заговорил бесцветным голосом, откуда ушли бравада и гнев:

– Всякий раз думал: может быть, я его не встречу. Всякий раз, заходя на посадку, я надеялся, что память моя врет, показывает фантастические сны. Но на земле оно неизменно поджидало меня – невысказанное и беспощадное. Оно возникало не сразу, приблизиться к месту посадки не смело. Ты, дикарка! Знаешь ли ты, что такое самолет?

– Управляемая птица, – хмыкнула монголка.

– Лучше! Крылья его – простертые лучи, но с прочностью металла. Мотор его движется силой чистейшего, как слеза, керосина. Сама эта чистота и дает пламенный жар! Будь моя воля – я навсегда остался бы в небе, в объятиях полета!

На несколько секунд Ансельми перестал дрожать, но затем так и скрутило его приступом кашля.

Буянтувшинцээг покачала головой:

– Ай-яй. Да ведь одиноко там, на верхотуре-то. Не потому ли ты так отощал? Кожа да кости, вот и простыл, ай, нехорошо.

– Я не тощий, я легкий, дремучая ты посконная женщина, – возразил Ансельми, утерев рот. – Для чего, спросишь ты? Чтоб расходовать меньше топлива. Думаешь, мне нравится так? Я просто вынужден! Таким образом я пытался хоть на мгновение дольше протянуть вдали от земли, где Хтонище терпеливо меня ожидает. Все же приходилось возвращаться, хотя бы на заправку. Всякий раз думал, вот, обойдется, и делал шаг, другой в сторону от посадочной полосы, удивляясь, что чувствую под собой твердую землю и собственные затекшие ноги. А потом понимал, что Хтонище уже некоторое время ползет рядом с неотропливой уверенностью хищника. Его всегда замечаешь, уже когда слишком поздно. Безобразно и бесформенно его тело, не оттолкнуть. Обвивает лодыжки, не убежать. Лезет по спине, как мурашки ужаса, а затем... Затем Хтонище заглядывает тебе в глаза, в самую душу... Вот только после этого начинается самое страшное. Оно разевает пасть. В горани его полыхает смрадное пламя ада. Оно говорит, говорит, говорит... Сжигает рассудок. Оно требует...

– Смотри, – прервала его Буянтувшинцээг – это корень саранки.

Ансельми зашелся сухим кашлем.

– Корень целебный, солнце наше подземное, – объясняла тягучим голосом монголка, внимательно разглядывая раскрасневшегося гостя. – Ночь волочится над промерзшими степями, над окоченевшей тундрой, но из кладовых земли, куда солнце запрятало на закате тайну жизни, я добыла золотую саранку для своего супа.

Она протянула руку над котелком и отпустила желтый клубень. Вариво поглотило его, бурое от мяса и жира.

У Ансельми блестели глаза, по лбу стекала испарина, хотя сидел он не слишком-то близко к огню.

– Ничто мне не поможет, – хрипло сказал он.

– Тайна, лейтенант, живой секрет солнца варится здесь. Как оно восстает после ночи? Об том саранка знает, узнаешь и ты.

– Нет, – выговорил Ансельми, – не надо. Ты знаешь, чего Хтонище потребовало от меня? Знаешь хоть? Я должен был вознести его в небо. Вот ради чего оно охотилось за мной! Коварная тварь! Почему оно не могло просто меня сожрать, скажи? Почему ему потребовалось так много? Раз за разом я успевал сбежать от него, поднять наградной пистолет и выстрелить – я выбарывал свободу, но однажды не сумел. На моих ногах Хтонище двинулось к самолету и село за штурвал, уже не боясь, ведь у него были мои руки. Мы поднялись в небо. Адское пламя бурлило в груди твари, вонь от его дыхания заволокла атмосферу. Тогда я сделал последнее, что мог, хоть и понимал, что меня может убить это вместе с ним... Кха!

Он съежился, закрывая рот обеими руками.

– Я выстрелил в бензобак, – сказал он наконец. – Весь чистый керосин польхнул разом. Тварь обратилась в факел, я вырвался... Не знаю, как нащупал кольцо парашюта. Надо мной в небе два пламени боролись друг с другом. Потом я шел... Долго шел сюда, так долго, что вся история стала казаться бредовым сном. Как жарко! Или холодно? И вот я здесь, в изломе карты между востоком и западом, вот я добрался до крайней точки, от которой все возможные маршруты ведут не вглубь территории, а прочь и как можно дальше. Я думал, Хтонище умерло. Я почти поверил, что его никогда не было.

Буянтувшинцэцэг поднялась на ноги. Лунолика и лунотелая, она ступала тяжело, когда обходила костер. Затем она присела рядом с гостем и влажной от лука и жира ладонью дотронулась до его лба.

– Весь горишь, тц-тц, – покачала она головой.

– Но если оно было, то лучше бы мне умереть здесь, потому что иначе Хтонище найдет меня снова. Ты хочешь дать мне тайну – оно сожрет и ее, оно не должно, никогда...

– Погоди-ка, лейтенант, разве...

– Это что, трубы ада? – вскинулся вдруг Ансельми, прислушиваясь. Буянтувшинцэцэг замолчала. В глубине ночи раздавался вой.

– Волки, – фыркнула монголка и вернулась на свое место.

Там она стала подгребать в костер угли, ветки, обломки корабельных мачт и тех самых досок, какими заколачивают двери снаружи и

изнутри. Побольше, побольше хлама, он сочнее всего полыхает в холодные ночи! Пламя взвилось выше.

– Нет, не волки, – забормотал лейтенант, глаза его стремительно пустели. – Я знаю, это гниль Хтонища просачивается сюда, потому что оно не сдохло, оно бродит по миру, словно вечный Агасфер, и разыскивает меня, чтобы снова сделать глашатаем своим. На свою беду, я действительно неплохой летчик. Слышишь ли, как разверзаются подземные норы, как протекает великая тьма, чтобы воспарить со мной в...

– У меня на краю мира, – не повышая голоса, перебила монголка, – это называется волки. Повадки у них, и те волчьи. Например, они боятся костра. Не надо! – Она подняла ладонь, заметив, что Ансельми пытается спорить. – Не ищи логики. Боятся и всё тут. Не подойдут они к огню, это так же верно, как-то, что суп готов.

Она вынула из корзины плоску и деревянный черпак. Варевое потекло в посудину лениво, неровно. Горячий аромат, видно, достиг ноздрей Ансельми, тот жадно глядел на плоску, а в уголках глаз его полыхала красноватыми жилками лихорадка.

– Не бойся, Ансельми, ешь. Ничто чужое не войдет в наш круг тепла и света.

Монголка протянула плоску через костер. В месиве из мяса, разваренных корешков и горошин плавала долька саранки. Ансельми не выдержал. Он схватил плоску обеими руками и ткнул ртом.

– Так, так, молодцом, – сказала Буянтувшинцэцэг, точно совала ягненку соску.

Через прищур она наблюдала за лейтенантом. Он глотал суп, вытягивал из плоски все до капли. Он запрокинул голову. Брызги попали ему на окуляры шлема. Наконец, Ансельми выпрямился и утер рот.

– Жарко, – прохрипел он. – Как жарко!

И закашлялся сильнее, чем прежде. Его колотило и колотило, пока наконец из раскрытого рта не вырвался черный комок. Что бы это ни было, плотное и скользкое, оно упало прямо в костер. Пламя тут же пожрало густок болезни. Ансельми задышал ровно и глубоко.

– Вот хорошо как, – сказала Буянтувшинцэцэг. – Ложись-ка спать теперь, да поближе к огню.

Вдали раздался вой, снова, но на этот раз Ансельми не вздрогнул. Он смотрел на огонь. Лицо у него разгладилось.

– Долгий путь ты прошел, лейтенант, спать теперь ложись, – повторяла монотонно Буянтувшинцэцэг. Две тонкие косы-прожилки покачивались в такт словам.

Ансельми поплотнее укутался в куртку, поднял ворот и лег. Он уснул, подложив под голову руку.

Тогда Буянтувшинцэцэг взглянула на второго гостя. Тот сидел без движения, взгляд направлен был не на костер – куда-то за него, куда-то в ночь, из которой слышался вой. Еще у него изрядно текло из носа, на скулах блестели слезы. Монголка вздохнула и сказала погромче:

– Здравствуй, Ансси, курсант. С чем пожаловал?

– Мне кажется, я видел тебя во сне, – сказал парень. Взгляда от темноты он не отвел при этом.

Буянтувшинцэцэг спорить не стала. Она достала из корзины тонкий пучок черемши и положила во вторую плоску.

– Что, Ансси, туго тебе пришлось? – говорила она как бы между делом. Руками она рвала черемшу и разминала об дно плоски. – Как попал сюда, рассказывай.

– Я был на войне, – ответил Ансси. На его бушлате не было ни нашивок, ни блестящих пуговиц – только прожженные дырки. – Нам оставалось полгода до конца учебы. Мы стали подкреплением, каково, а? Звучит, словно жратва какая-то. Едва успели расположиться, как начался бой. В меня стреляли и я стрелял, даже когда плечо онемело. Падали ребята вокруг меня, и по ту сторону поля тут же падали противники, так что мне начало казаться, будто там, напротив, я вижу лица одноклассников... Что стреляю по своим. Но я не сошел с ума тогда, ты не думай. Это случилось позже. – Он громко шмыгнул носом.

Монголка достала из-за пазухи мешочек и потрясла над плоской. Со стуком посыпались багровые ягоды селитрянки.

– Вот хорошо, – приговаривала она, пока давила темные плоды, – солоно будет, а то ревешь тут, вся соль из тебя вышла. Двигайся к огню, молодой Ансси, не кусается костер-то.

– Это случилось позже, – повторил Ансси. – Когда стихли выстрелы. Я лежал на дне окопа. Руку не чувствовал. Над головой плыл дым, пахло порохом и могилой. Тихо так, а в голове всё – бах, бах! Вдруг чую – ползет что-то. И жарко мне становится, и берет странное, лихорадочное удушье. Как будто не порохом дымит уже, а чадят котлы ада. Тут-то я его и увидел – то, чего быть не может, не должно. Лохматое оно было, но не как зверь, а как чучело. Да и не бывает таких зверей. «Пшёл! – кричу ему, – уйди, сгинь, эдакое Хтонище!» – а оно лезет на меня равнодушно, неотвратимо, как... Как танк или... Душит, душит! Едва понимая, что делаю, я подтянул к себе винтовку и стал стрелять в упор. Раз, другой, третий... Кончились патроны, а оно дергается, но тянется ко мне всем телом, пасть прорезью хлопает — стой, мол. Смотрю, а в прорези горит бледный огонь, тифозная лампада. Так и шваркнул я прикладом ему по пасти, а потом... Потом я убежал. Я бежал очень, очень долго.

– Ага, – сказала Буянтувшинцэцэг. – Ну что, раз добежал ты досюда – супа-то поешь.

Парень вскинул голову к беззвездному небу. По его скулам снова потекло.

– Я не заслужил. Я взвод свой бросил. Спасся, сбежал... Дезертир! Я сдохнуть должен дважды, за трусость свою и чисто по-товарищески! У-у... Не тронь меня!

Словно услышав его, вдали снова взвыли волки.

– Что ты скажешь? – потребовал Ансси, всхлипывая. – Утешать станешь? Скажешь, я не виноват?

– А какая разница, виноват или нет? Полюбуйся на себя – сидишь посреди ледяной степи, кругом на сотни километров души живой не сыщешь, разве что занесет еще какого-нибудь бедолагу. Куда уж тут подыскать тебе судью или оправдателя! Э, – усмехнулась монголка, – много хочешь, молодой Ансси, страшно много хочешь! Только Буянтувшинцэцэг тут с тобой, да костер ее, да суп. Не сужу я, не ряжу, а накормить – накормлю. Такой порядок у меня заведен, а иного во всей моей степи нет.

Она с кряхтением обошла костер и села рядом с курсантом. Подтолкнула его в спину:

– Давай-ка к костру! А то слышал, как воют? Да сиди смирно, я наберу тебе в плошку... Вот так. Помереть, молодой Ансси, всегда успеешь, даже умом тронуться – и то сложнее. Гляди, как красиво блестит половинка саранки. Ты жив остался, а живешь только наполовину, ни туда, ни сюда. Стань уж целым! Ай, как хрустит саранка, ай, какой сладкий он – клубенок солнца!

Пока курсант не выхлебал весь суп, она сидела рядом и смотрела, как просыхает мокрое лицо Ансси от жара костра.

– Наконец-то отдохну, – сказал парень совсем уже другим голосом, ровным и тихим. – Ведь можно? Волки не явятся сюда? Не придет ли тварь по моим следам?

– Можно, можно, — напевно заговорила монголка, – никто не обидит сидящих у костра Буянтувшинцэцэг, ничто чужое не войдет, ничто внешнее, нечистое, неживое круга огня не нарушит. Спи, Ансси, спи, парнишка.

Тогда курсант зевнул, отставил плошку и свернулся калачиком рядом с Ансельми, голова к голове. Не успела ветка прогореть, как он уже крепко спал, как и летчик.

Буянтувшинцэцэг сидела в тишине. В котелке подкипало еще немного супа, разваренного, густого. Она отряхнула мусор с бурки, шелуха полетела в огонь, да еще в воздухе вспыхнула, как будто монголка присолила звездами остатки ужина.

Черным и белым расшита была бурка, сложный узор шел по ней, какой не всякий мог бы прочесть.

– Знаю, знаю, что ты явился, – сказала она.

Из темноты показалась морда волка. Она вплыла в очерченный пламенем костра круг. Следом поползло тело. Оно тянулось и тянулось, не было в нем ни плеч, ни ребер. Буянтувшинцэцэг ждала. Втащила одна лапа, с другого бока — вторая, но куда ниже. Конечности подгребали землю, но, кажется, только мешали двигаться. Третья вовсе до земли не доставала, четвертая торчала под углом вверх, обрубленная по сустав.

Как будто в беспорядке сшили этого гостя из тушек, шкурок да всякого отброса.

Только голова была волчья, и то – маска, слепленная криво и грубо.

– Это что, гуашь? – спросила Буянтувшинцэцэг, разглядывая черное пятно носа и два намалеванных глаза.

– Угу, – прогудело из-под маски.

– Очень красиво. – Монголка улыбнулась. – Располагайся, где хочешь, Ан.

Существо проволочилось туда, где лежали спящие. Склонило голову, закрытую маской. Двое не пошевелились во сне. Существо придвинулось и стало обнюхивать их лица.

– Они не проснутся? – проскрипело с опаской.

– Нет, нет. Уже согрелись они, уже поели. Они будут спать, Ан.

– Этот пытался сжечь меня заживо, когда я хотел с ним покататься там, где ему было хорошо, – прозвучало из-под маски. – А этот расстрелял в упор за то, что я пытался его обнять, когда ему было плохо.

Одна из лап судорожно застучала по земле.

– Ты так голоден, Ан, – сказала монголка.

– Ага. Я замерз, ужасно замерз и всегда голоден. Сколько себя помню.

Буянтувшинцэцэг поднялась на ноги.

– Знал ли ты когда, что значит быть сытым, Ан?

– Не-а. Я пытался стать всяким зверем, я подстерегал, я мясо рвал. Сытым не стал.

– Это потому, что внутри у тебя огонь, Ан. Сжигает всю твою пищу. Зачем ты взял такой огонь, что нутро тебе палит, а всех вокруг отравляет? Кто дал тебе?

– Они сказали, что так меня никто не обидит, – проскулила волчья маска. – Они, которые совсем чужие.

Тогда со всех концов мира раздался вой, но Буянтувшинцэцэг не кольхнулась. Она стояла на широко расставленных ногах и смотрела

только на третьего гостя своего. Вой не удалялся, но и не приближался.

– Тебе нужна настоящая еда, – сказала монголка.

И стихла ночь. Перекошенная маска направила нос в ее сторону.

Буянтувшинцэцэг протянула обе руки:

– Поди-ка сюда, Ан.

Существо повернулось к двоим спящим. Некоторое время оно что-то соображало. Из-под маски доносилось сопение.

– От них больше не пахнет страхом, – сказала оно.

Переваливаясь, перекатываясь, существо потащилось в обход костра, пока нарисованный нос не уткнулся в колени Буянтувшинцэцэг, пока на мохнатое тело не легла широкая ладонь женщины.

Монголка села.

– Говоришь, обещали, что с таким огнем внутри никто тебя не обидит?

– Хотя бы не так сильно мерзну, – хлюпнуло под маской.

– Это не тепло, – сказала монголка. – Не знаешь ты тепла, как и сытости. Сними-ка маску!

– Я уродливый, – сказал Ан. – Не сниму. Я должен быть хорьком, лисичей, волком, но не получается. У меня неправильная морда. Только мой огонь меня любит! Не сниму!

– Ты говоришь, от них не пахнет страхом. – Монголка махнула рукой через костер. – Сними маску, тогда расскажу, почему. Перед тем, как ты наешься.

– Ладно.

Существо затрясло головой. Отпала волчья морда. Полетела в костер мятой картонкой.

– Вот и хорошо, – кивнула Буянтувшинцэцэг.

– Я неправильный, – сказал Ан человеческим ртом, зашмыгал курносый носом. Шкуры доходили ему до подбородка и капюшоном накрывали макушку.

Монголка откинула капюшон и погладила Ана по жидким белым волоскам.

– Теперь слушай! От них не пахнет страхом, потому что они ели мой суп. На суслицьем нагулянном жиру, на медвежьем чесноке, с ломтями бессмертного клубня – саранки. Знаешь, что это за корешок? Я вырыла его из мерзлой земли собственными пальцами, вырвала у вечной стужи золотой самородок. Он ваш. Он твой!

– Суп, – повторил Ан. Почмокал. – А он не зальет мое пламя?

– Зальет, – сказала Буянтувшинцэцэг. – В том-то вся штука.

Ан закрыл глаза. Так он вприжмурку полез к монголке на широкие колени, вцепился в мех на бурке, уткнулся в белые с черным вышивки. Остальное меховое туловище обвивалось кругом.

– Ну ладно уж, – сказал он.

Тогда Буянтувшинцэцэг взяла с огня казанок, зачерпнула из него варево на мясном соку, на степных пряных травах, с ломтями солнечной тайны. Одной рукой она придерживала затылок Ана, пока тот яростно чавкал, глотал и давился дымом, черным вонючим дымом от гаснущего дурного огня у себя внутри.

– Теперь-то тебе тепло, – приговаривала она. Бусины качались в косицах, когда толчками из ноздрей Ана выходил черный дым.

Наконец Ан мотнул головой.

– У меня живот полный, – сказал он. – Это вот такая она – жизнь? У меня теперь всегда так будет? Ух!

– То-то же. Спать ложиться будешь?

– Ага.

Мальчик побрел к спящим, волоча за собой свой несуразный меховой костюм. Он переступил через одного и другого, накрывая обоих пушиной, а потом сам лег рядом. Издалека могло показаться, что у костра спит один большой человек.

– Пора и мне поесть, – сказала себе под нос Буянтувшинцэцэг.

Она подняла с земли казанок и стала, помогая себе черпаком, допивать остатки супа.

Костер горел ровно.

Когда-нибудь над этим холодным краем настанет утро.

Елена Ермакова В КОКОНЕ

1

Она стала замечать, что каждый раз, когда брат просыпался, у него вокруг ног были накручены странные белые нити. Поначалу они были тонкие, как паутина, и мальчик просто стряхивал их небрежным движением руки. Потом нити начали становиться толще и жестче, и оторвать их от ног было все труднее. Они были липкими, и, если она отрывала их от ног резким движением, на ногах выступали капельки крови. Брат все чаще начинал плакать и просил не трогать нити, но нити приводили ее в ужас, и она боролась с ними отчаянно.

Родителям было не до брата, за мальчика отвечала она как старшая сестра.

– Еще, может, что-то придумаешь? Какую еще сказку про брата расскажешь? Или хочешь пойти за меня в поле поработать? – прищуривалась мать. – Давай-давай, а я с ним посижу, отдохну.

В ее голосе появлялись недобрые нотки, и Нита мгновенно замолкала.

А однажды утром, когда отдирать нити стало совсем уж трудно, брат сказал:

– Мне нужно в лес. Проводи меня туда. Слышишь?

Нита похолодела.

– С чего это ты решил?

Она попыталась изобразить грубо-резкую интонацию матери, но за этой интонацией прятался ледяной страх.

Она начинала понимать, что в брата проникла какая-то зараза из Черного Леса, населенного нечистью.

– Если не проводишь меня, тогда я сам убегу, — угрюмо и решительно проговорил мальчик, и она поняла, что эту угрозу он приведет в исполнение. Если с ним началось какое-то превращение, силы леса все равно заберут его к себе. Пусть уж лучше, если это случится, она будет рядом с братом.

Она сказала родителям, что пойдет с подругами собирать ягоды в роще у озера неподалеку от деревни и брата с собой возьмет.

– Идите, – махнула рукой мать. – Но только в рощу, от леса подальше держитесь.

Ушли ранним утром, пока в доме и в деревне было тихо. Закутанного в одеяло брата она тащила на спине, благо пятилетний мальчик

весил немного. Одеть его нормально в это утро не удалось, нити невозможно было разорвать.

С братом на спине еле дошла до леса. Долго сидели под огромной сосной – Нита отдыхала. До нитей он ей дотронуться снова не дал, сказал, что они его греют.

У нее был план, придуманный ночью.

Они дойдут до валгалийского поселка, притулившись на самом краю Черного Леса, но не со стороны их родной степи, а ближе к низинным приречным землям. Там, говорят, живет сновидица, которая много чего знает о лесе. Искусством вещей снов владели только валгалийцы, жители берегов реки Валги, и за советом к сновидцам и сновидицам люди приходили за много миль.

К поселку вдоль леса вела дорога, старая, полузаросшая, потому что рядом с лесом ходить или ездить не любили. Оставалось только до этой самой дороги добраться, а потом еще дойти до поселка.

Но удача была на их стороне, и к вечеру они добрались до дороги, а на дороге встретили валгалийскую повозку, и там для них нашлось место. Зарывшись в сено, которое везли вместе с несколькими козами в деревянной клетке, они провели ночь под мерный скрип колес и сонное бляение коз. Несмотря на усталость и дурманящий запах сена, Нита спала урывками.

Лес был наполнен тревожными звуками, которые постоянно врывались в ее сны. Посреди ночи оттуда донесся леденящий душу то ли вопль, то ли рык. Стояли довольно долго, и страх держал ее цепкими и липкими пальцами.

– Не бойся, это далеко, до нас им и дела нет, – сонно и спокойно сказал ей на ухо брат и обнял рукой за плечи.

Она перестала дрожать, но другого рода страх вполз в душу. Откуда маленький мальчик мог знать такое?

В последний раз повозка остановилась уже утром, разбудив их. Они приехали в поселок, и валгалийцы специально остановили повозку у дома сновидицы. Нита сняла с повозки брата, который все так же был завернут в одеяло, поблагодарила их и направилась к сновидице.

Та была совсем молодой девушкой, черноволосой и черноглазой, как все валгалийцы. Приход степных детей ее нисколько не удивил.

– Я ждала вас, – сказала она с улыбкой и кивнула на низкий стол у печки, накрытый на троих. Видела их во сне? Как еще было объяснить ее слова?

Нита посадила брата поближе к печке, потому что он все время жаловался на холод, несмотря на то, что она кутала его в одеяло.

– Так что с ним случилось? – спросила сновидица.

Нита молча приподняла угол одеяла с его ног. Брови сновидицы изумленно поползли вверх. Она склонилась над оглетающими ноги брата нитями и стала осторожно водить по ним рукой.

– Так вот почему я во сне видела тебя и бабочку у тебя на плече, – пробормотала сновидица.

Бабочку! Нита похолодела от ужаса. Как же ей не приходило в голову, что нити на ногах брата были растущим коконом. Но как такое может быть? Что же натворил Черный Лес?

– Поедим и отправимся в лес. Я вам кое-что покажу, – объявила сновидица.

Брат встрепнулся. Ну конечно, он же с самого начала хотел в лес.

Нита положила руку ему на плечо и ощутила жар, исходящий от него. Одно только упоминание леса заставило его кожу раскалиться.

Лес встретил их полумраком и терпким сосновым ароматом. Сновидица шла впереди, а Нита с малышом сзади. Довольно быстро добрались до маленькой речки со скользким глинистым берегом. Сели в лодку и поплыли навстречу неизвестности.

Сновидица улыбалась, а Ниту не покидало ощущение ловушки, в которую их вела судьба. Но, что самое страшное, у нее было такое чувство, что ей придется вскоре потерять брата, расстаться с ним. Точнее, расстаться – и означало потерять. Ее сердце уже давно ей не принадлежало, оно было посвящено малышу. А малыш превращался во что-то ужасное, незнакомое, чужое. И все-таки пока еще он был с ней, прижимался к ней, держал ее за руку своей теплой рукой. Долго ли еще они будут вместе?

Сновидица вдруг прижала палец к губам и резко развернула лодку поперек течения, заставив ее войти в самую гущу камыша. Подняла шест со дна лодки и протолкнула ее сквозь камыши в узкую и глубокую протоку.

– Ни слова, пока я не разрешу, – прошептала девушка. – Это тайное место, но оно нас примет.

Поначалу протока казалась совершенно черной из-за огромных ив, склонившихся над ней. Потом деревья словно бы расступились, и на черных берегах вдруг появились краски. Небольшие деревья, похожие на дикие яблони, были покрыты огромными яркими цветами. Нита и малыш смотрели на них во все глаза, потому что никогда не видели ничего подобного. Кожа малыша снова стала раскаленной, он показывал сестре на цветы, но говорить не решался, помня запрет сновидицы.

Неожиданно один из цветков поднялся в воздух и перелетел с одного дерева на другое. Когда они выбрались на берег, цветы задвигались им навстречу, открывая и закрывая лепестки.

Не прошло и минуты, как малыш был покрыт цветами, огромными, яркими, живыми. Нита держала его в руках, но на нее цветы не садились, только на брата. Он смеялся и радостно трогал трепещущие лепестки. Цветы не были бабочками, но не были и растениями. Это были странные создания, похожие на насекомых-палочников, вот только вместо веточек они носили на себе лепестки. И они были крупными, крупнее, чем любое обычное насекомое или любой обычный цветок. И, в отличие от палочников, вызывали не отвращение, а скорее радость.

– Цветы узнали его! – прошептала сновидица.

– Ты все это подстроила, – зашипела в ответ Нита. Сновидица сама нарушила молчание, значит, и она молчать не будет. – Ты нарочно привела его сюда! Ты хочешь, чтобы он остался в лесу!

Сновидица ничего не ответила, только покачала головой и поманила Ниту за собой. Под огромной елью, спрятанные под нижними ветвями, лежали коконы. Самых разных размеров.

Нита без сил опустилась на землю, глядя на страшные белые свертки. А малыш, вдруг выскользнув у нее из рук и проворно подтягиваясь на руках, подобрался к одному из коконов, обнял его и закрыл глаза. Его собственное тело уже наполовину было оплетено нитями. Сколько еще он пробудет собой, прежде чем превратится в бледный сверток с чужеродной жизнью?

– То, что с ним случилось, – это не наказание, которое лес на него наслал, – тихо сказала у нее за спиной сновидица. – Это магия. Мы не знаем, почему лес забирает к себе некоторых из нас. Твой брат будет счастлив и проживет очень долго, гораздо дольше, чем ты. Предоставь его судьбе, не держи его. Этим ты только причиняешь боль себе и ему.

– Я не могу расстаться с ним, – прошептала в ответ Нита. Беззвучные, мучительные слезы душили ее.

– Хорошо, тогда вот что. Оставайся в моем поселке, живи со мной. Будешь навещать брата, когда захочешь.

Нита сжала зубы, чтобы не дать слезам снова хлынуть. И все-таки слова валгалийки ее успокоили. На душе стало немного легче.

Утром они уплывали по речке в валгалийский поселок, на сей раз вдвоем.

Нита сидела в лодке, опустив голову, зажав в кулаке пуговицу, которая упала с рубашки брата еще вчера.

Словно заклинание она твердила про себя, что с братом не случится ничего страшного, если она будет постоянно навещать его. Она не даст никакой беде случиться с ним, во что бы он ни превратился.

И все-таки боль была мучительной. Боль имела форму маленького мальчика, такого, каким она его помнила после рождения, свернувшись у нее на руках. Боль имела форму и запах.

Пуговица в руке на ощупь была чем-то сродни коже малыша, такая же теплая и гладкая.

– Отдай-ка мне пуговицу, – сказала вдруг сновидица. – Без нее тебе будет легче.

Нита безропотно протянула валгалийке пуговицу, а та положила ее в карман.

2

Наследование королевского титула женщиной было редкостью в степных землях, а потому на коронацию в Осеннее Королевство стеклось много народа не только из самого королевства, но и из соседних тоже. Даже валгалийцы прислали своего представителя с подарками.

Но юной королеве было не до праздника. О, она радовалась коро-не! Она была готова стать справедливой и доброй правительницей для своего народа. Но на коронацию не пришел тот, в кого она была влюблена, – королевский маг, единственный и неповторимый.

– Почему? Он хотел оскорбить меня? – спрашивала королева старого советника своего отца, единственного, кому она доверила свою тайну месяц назад, когда, как и сейчас, была на грани отчаяния.

На сегодня все церемонии были завершены, но уснуть она не могла, потому и пришла к советнику. Тот не удивился. Старик все замечал, заметил он и расстроенное лицо королевы во время церемоний.

– Хотел, королева, – твердо сказал старик. – И чем раньше ты поймешь, что он стремится лишить тебя твоего женского и человеческого достоинства, тем лучше будет для тебя.

– Он любит меня и не знает другого способа привязать меня к себе, – вспыхнула девушка.

– Ну да, – покачал головой старик. – Начинаем все сначала. Я тебе уже тысячу раз говорил, да, он хочет привязать тебя к себе. Но не потому, что любит тебя. Ему нужно заполучить королевство, женить тебя на себе, получить власть. Ты же знаешь это, но отказываешься верить.

– Он маг, а маги живут особенной жизнью, – упрямо возразила девушка.

– Маг – это просто слово. Он колдун, выходец с колдовских болот, шарлатан. Настоящих магов в наших землях уже давно нет. Настоящая магия осталась только в Черном Лесу, вот там он и добывает какие-то артефакты или что-то еще, чтобы творить свои дела. Подозреваю, что он гораздо старше, чем кажется, потому что использует какие-то украденные вещи из леса. Он хитрец, сбить с толку женщину для него вообще ничего не стоит. Можешь не краснеть. Подозреваю, что он умеет и порчу наводить, опять же, с помощью чего-то из Черного Леса. Что-то он прячет в своей башне, поверь.

– Тогда пойдем и посмотрим! Я теперь королева, в конце концов, я и потребовать этого могу, – вскочила на ноги девушка.

– Пойдем, – устало кивнул советник.

Ноги у старика ломило, голова была тяжелой из-за тревог и недосыпания, но отказать королеве он не мог. Он знал ее с детства, одинокого ребенка, выросшего без матери. Никто и подумать не мог, что этот заброшенный ребенок станет единственной наследницей после того, как эпидемия унесла ее отца и братьев. Король только отмахивался от нее, так чему же удивляться, если первый же ловкий мошенник полностью завладел ее волей. И королевский титул защитить ее никак не мог.

На дворе была уже ночь, дорогу им скупо освещали факелы. Никакой охраны у девушки не было – отправляясь к советнику, она приказала охране не следовать за ней. Было зябко, и советник кутался в плащ. Возле башни мага факелы и вовсе не горели, но девушка не мешкала ни секунды. Она громко забарабанила в дверь. Ответа не последовало, башня, казалось, была погружена в глубокий сон.

Советнику вдруг послышались какие-то звуки вдалеке, и он, схватив девушку за руку, потащил ее подальше от двери.

Замелькали факелы, к башне двигались какие-то люди. Замыкал небольшое шествие сам маг, в свете луны серебрился его плащ, расшитый чем-то блестящим. Люди остановились у двери. Маг отпер ее, пропустил их в башню и шагнул следом.

Когда дверь уже почти захлопнулась за ним, королева закричала:

– Подожди!

Маг оглянулся и застыл в двери. Поднял факел, и советнику показалось, что в этом движении была какая-то испуганная суетливость.

– Мне нужно с тобой поговорить. – В голосе королевы уже не было уверенности, скорее просительность, робость.

– Проходи, – сказал маг. При виде королевы он мгновенно успокоился. Ни «ваше величество» не сказал, ни по имени не назвал. Рукой, как собачке, указал на открытую дверь.

– А тебе нельзя, – так же властно остановил он советника.

– Не обижайся, я сейчас же вернусь. – Королева схватила старика за руку и прижала его ладонь к своей щеке.

Это был совершенно детский жест, и советник только кивнул в ответ. Нет, никогда королеве не справиться с магом, никогда не вырваться из-под его контроля. Все слова бесполезны. Старый советник остался стоять перед башней.

А королева уже взбегала по лестнице, оглядываясь на мага, который шел за ней следом. Все гневные мысли вылетели у нее из го-

ловы, она не могла наглядеться на его красивое холеное лицо, на его улыбку.

– Что ты здесь прячешь? – спросила королева, даже не пытаясь добавить твердости в свой голос.

– Уверена, что хочешь это знать? Ну, раз уверена, покажу тебе кое-что. Рано или поздно ты бы все равно узнала, так пусть уж сейчас.

В голосе мага слышалось плохо скрываемое раздражение, это раздражение царапало ее душу, но она старалась не обращать на эти царапины внимания.

Они вошли в большую комнату, наполненную странными вещами, пробирками, столами, свечами, какими-то еще принадлежностями колдовского искусства. Люди, пришедшие вместе с магом, осторожно опустили на пол огромную клетку, покрытую грубой холстиной.

– Можете идти, – сказал им маг. – И защелкните за собой дверь в башню.

Королева с изумлением осматривала комнату, захваченная новыми впечатлениями.

– Ну что, готова кое-что увидеть? – самодовольно спросил маг.

Он скинул с клетки холстину, и королева прижала руки к груди от восторга. В клетке перелетали с места на место огромные, сияющие красками цветы. Они светились в полутемной комнате, словно гигантские светлячки.

– Их очень трудно добывать в Черном Лесу, но оно того стоит. Если приготовить из них специальный напиток, они дарят годы жизни и молодости. Ну что, неплохой подарок на коронацию я тебе принес? Я хочу, чтобы ты всегда была прекрасной, моя королева. Другая королева мне не нужна.

– Так вот почему ты не был на коронации? Ты готовил мне подарок? – спросила девушка.

Маг ничего не ответил, лишь усмехнулся. Потом взял маленький лук и протянул ей:

– А теперь поиграем. Я выпущу цветы, а ты будешь стрелять в них. Не переживай, они не живые. А дальше – моя задача.

Он взял со стола большие ножницы с изогнутыми концами и распахнул дверцу клетки. Цветы вылетели оттуда, заметались по комнате и сбились в кучу в самом дальнем углу. С замиранием сердца королева подняла лук и прицелилась.

Приглушенный голос старого советника заставил ее опустить лук. Старик кричал со двора, а потом принялся колотить в дверь башни.

– Открой! – велела магу девушка, сама удивляясь твердости своего голоса.

– Нет! – рявкнул маг, но она уже оттолкнула его и, выскочив из комнаты, побежала вниз по лестнице.

Королева, справившись с защелкой, распахнула дверь, и в башню ворвались две растрепанные, запыхавшиеся девушки. Советник следовал за ними.

– Они говорят, маг похитил их брата и собирается убить его, – охрипшим голосом сказал старик.

– Где он?! – пронзительно закричала одна их девушек, бросаясь к лестнице.

Королева, вторая девушка и советник поспешили за ней.

Маг стоял в двери комнаты, хмурясь и скрестив руки на груди. Никогда еще королева не видела его таким властным и красивым. Первая девушка яростно оттолкнула его, когда он попытался встать у нее на пути.

Когда королева вбежала в комнату, эта девушка уже стояла рядом с цветами, а один цветок был у нее на руках. Она бережно прижимала его к груди и что-то шептала, заливаясь слезами.

– Это сумасшедшие валгалийки. Среди них есть те, которые поклоняются этим цветам. Дикари, – спокойно сказал королеве маг, обняв ее за плечи.

Его прикосновение и голос над самым ухом были настолько неожиданными, что королева застыла. Никогда раньше он не обнимал ее.

– Нет! – закричала девушка с цветком на руках. Королеве не нравилось ее лицо, грязное, с горящими глазами. – Это ложь! Цветы живые, и это дети!

– Сумасшедшие, – тихо повторил маг, прижимая к себе королеву. – Прогони их прочь.

Вторая девушка, черноволосая и черноглазая, гораздо более сдержанная, наклонилась к полу, что-то подняла и протянула королеве:

– Вот, госпожа, ты уронила.

Королева взяла то, что протягивала ей валгалийка. Это была пуговица. Обыкновенная, старая, деревянная пуговица.

Она хотела отбросить пуговицу и накричать на валгалийку, но неожиданно взгляд ее упал на девушку с цветком.

У королевы перехватило дыхание.

На руках у девушки, вцепившись ей в плечо, сидел испуганный полуголый младенец.

Королева обернулась и беспомощно посмотрела на мага.

– Эти цветы – дети, – пробормотала она. – Ты просто не видишь.

– Не вижу? – Губы мага скривились. – Валгалийки дурят тебе голову. Водят тебя за нос иллюзиями. Не думал, что ты такая легковерная идиотка. Выбрось эту пуговицу, не держи ее в руке.

Королева опустила голову. Что-то билось внутри. Что-то, что пряталось внутри, как в коконе. Руки мага все еще лежали у нее на плечах, но она ощущала их как ледяные тиски. Она крепче сжала пуговицу в кулаке.

– Ты не тронешь эти цветы. – Королева не узнавала свой спокойный, решительный голос. Что-то в ней изменилось, сначала умерло, а потом родилось заново. – Дети или нет, они нам не принадлежат. Выпусти их из башни.

– Еще чего не хватало! – прошипел в ответ маг, отталкивая ее и сжимая кулаки.

Что-то острое проткнуло его плащ сзади и почти вонзилось в спину. Советник держал в руке ножницы с изогнутыми концами. Черноволосая валгалийка подняла лук, целясь магу в грудь.

Королева проследила, как маг спускался по лестнице, как открывал дверь и выпускал цветы. Только один цветок, тот, что был на руках у девушки, не улетел. Маг смотрел от двери на королеву снизу вверх, хмурясь и чего-то ожидая.

– Уходи, – сказала королева. – Уходи и никогда не возвращайся. Тебе здесь не место.

Елена Ермакова ВЫКУП

Глухой смотрит на огонь и вспоминает. Неужели уже три года прошло с той ночи, когда он увидел небесный камень, разрезавший темноту и упавший у лесной речки? Глухой сумел найти его в яме у корневой дерева, вывороченного ударом. Камень был еще горячим, полным фиолетовой тьмы.

Вся деревня тогда пришла смотреть на камень. Слов глухой не слышал, но читал восторг по губам. Сам же он камню не доверял. Он привык к тишине, а камень, ему казалось, что-то оглушительно шепчет. То, что голоса просочились в его безмолвный мир, встревожило и испугало глухого, потому он сразу же отдал камень старшине.

Губы деревенских твердили, что камень говорит голосом бога, что он принес им добро. А наутро вся деревня была мертва. Умер и внук глухого. И ведь говорил же когда-то глухому его собственный дед, что бывают небесные камни, которые несут болезни и смерть!

Старик похоронил всех у речки, а камень-убийцу отнес в ту же яму, из которой его извлек. У того дерева он похоронил и свою жизнь, которую уже не вернешь, не выкупишь у боли.

Старик так глубоко уходит в это воспоминание, что пропускает момент, когда дверь в дом распаивается. Только когда страшная морда лесного разбойника повисает перед самым лицом, глухой приходит в себя. Ужас поднимает волосы дыбом, он едва находит силы высмотреть на заросшем лице черное отверстие рта и читает по кривым губам, что разбойникам требуется жратва, а в телеге у дома раб на продажу, которого тоже нужно накормить. Если старик сделает все это, ему, может, сохранят жизнь.

Старик послушно кивает, понимая, что жизнь ему дарить никто не собирается. Лесные разбойники не гнушаются человечиною, в дело пойдут и он, и его коза.

Глухой выгребает с полка и из углов все свои жалкие припасы. Лихие люди, кривляясь перед огнем лицами, хохочут и плюются, глядя на него. Под конец старик несет кусок хлеба рабу в телеге.

Дураки выпустили его из дома. А он ведь отдаст хлеб рабу, потом к речке, в лодку, только его и видели ...

В телеге обнаруживается пацан лет десяти, грязный и лохматый. Старик стоит как громом пораженный. Пацан один в один его внук. Это его-то нелюди собрались продавать? Его-то старик даст увести на верную смерть? Нет уж! Не бывать тому!

А что, если...

Не успевают разбойники хватиться старика, как он уже входит в дом, протягивая им что-то круглое, завернутое в грязную тряпку. Его руки перепачканы землей.

– Выкуп за свою жизнь принес. – Старик говорит странно, коверкая слова, как все глухие.

Главарь замолкает на полуслове и разматывает тряпицу. За три года в земле небесный камень наполнился еще более густой и соблазнительной тьмой. Корявые руки тянутся к камню со всех сторон. Вот-вот звери вцепятся друг другу в глотки.

Старик закрывает за собой дверь дома, выдыхает.

– Ну, это вы уж сами, тати, решайте, кто там у вас лишний. А кто останется, тому камушек свое слово к утру тоже скажет, — каркает своим невнятным голосом, устраиваясь на ночь под телегой. – А ты, парень, того... молоком козым тебя завтра напою. Вернем тебе жизнь-то.

Старик бормочет и погружается в сон, в котором – впервые за три года – нет кошмаров.

Елена Ермакова КТО ОТОРВАЛ ГОЛОВУ КУКЛЕ

Девочка

Кто сломал мою прекрасную старинную механическую куклу – мою подругу, в которую я утыкалась лбом, когда слышала, как орут друг на друга родители? Знаю! Брат! Для него я капризный ребенок, любимица мамочки и папочки. А на него срываются за все на свете. Как не отыграться на мне, ведь из-за меня его жизнь как ад? Олег знает, как я люблю эту куклу. Вот и оторвал ей голову. Хорошо, что кукле, а не мне.

Мальчик

Дура Юлька решила, что это я сломал ее идиотскую механическую куклу. Я уже давно обещал это сделать. Но не сделал. А надо было. Одна мысль меня гложет, нехорошая мысль. Что, если Юлька сама оторвала кукле голову, чтобы родители на меня накинулись? Ей же нравится смотреть, как они меня ругают. Потому что, если так подумать, кто еще мог оторвать голову кукле? Да никто. Только она. Ненавижу Юльку. Ненавижу всех.

Демоны

Отчет о поломке куклы-андроида нового образца.

Образец был внедрен в земную семью обычным способом (сценарий «Девочка и кукла»), но связь с ним потеряна.

Новые характеристики: интеллект, способный к независимым решениям.

Цель: внедренный наблюдатель.

Связь пропала в день назначенного проникновения куклы в тело девочки.

Предположение: от андроида поступали сигналы о домовом.

Пояснение: домовые – сгустки энергии, «память» об исчезнувшей цивилизации; селятся в жилищах и воруют энергию как пиявки. Паразитируют на семьях с избытком энергии агрессии и защищают источник питания. Возможна атака домового на куклу.

Домовые

Куклу-андроида мы узнали сразу. Только люди не способны отличить обычный пластик от энергомассы. Когда-то и мы начинали с энергомасс, а потом перешли на чистую энергию, но узнать эту живую материю способны с легкостью. Держать такую штуку в доме –

как приютить змею. Только энергомасса хуже. Сам не поймешь, как станешь игрушкой в чужих руках. Но кто-то опередил нас и испортил куклу. Девочка положила ее в ящик комода и закрыла его. Пусть там и лежит. Повезло девочке.

Пушок

Ночью существо принялось скрестись в ящике, потом осторожно выдвинуло его и выбралось наружу. Что-то с ним не так, но в темноте не понять. Оно стало почесывать меня за ухом, распутывать колтуны. Приятно. Существо помнит обо мне и заботится, а остальные меня совсем позабыли. Потом оно начинает тихо шептать внутри моей головы. Я мало что понимаю, но все-таки слушаю.

– От центра связи с хозяевами я отделалась, собачка, – шепчет мне существо. – Не хочу наблюдать. Не нравится мне здесь.

Я, наконец, понимаю, что именно с существом не то. Головы-то нет!

– Нам надо выбраться из дома, минуя домового. Он у окна, за занавеской. Дай-ка заберусь в тебя поглубже. Хорошая собачка. Окно приоткрыто, ныряй туда.

На улице прохладно, мне странно легко двигаться, словно кости забыли старость. Ношусь кругами, останавливаюсь. Тревожно. Хочу выть на луну.

– Не горюй собачка! Я ведь друг. Да, я внутри, но я защищу. И смерть теперь далеко, тебя ведь на днях усыпить хотели. Люди, чего еще ждать от них... Ну, побежали, мир большой, бояться больше нечего!

Лариса Коваль ЛОВУШКА

– Так, трудяга, а ведь мы с тобой сейчас упадем.

Я смотрел на приборы: правый двигатель терял мощность, еще пара секунд – и он заглох. Самолет старенький, но надежный: двухмоторный «Касатик М-321», и перед вылетом техники проверили его как обычно. Видимо, на этот раз что-то прозевали. Когда несколько минут назад отказал левый, я перевел самолет в снижение, убрал крен и продолжил полет. Потому что точка возврата была пройдена. Сообщил принимающим, что иду на одном движке, чтоб подготовились. Дотянуть до суши было вполне реально. Но вот заглох и второй. Полный абзац. Снизу приближалась земля, вернее – вода, если еще точнее – океанский простор. Садиться на воду? Вообще-то у меня не поплавок вариант, но что еще делать... Хотя...

Впереди, немного сбоку, показалась на горизонте темная точка. Остров. Километров тридцать или даже меньше, ветер попутный, машина легкая. Попробовать дотянуть в режиме планирования? Летал же когда-то на безмоторных...

Я направил самолет в сторону замеченной суши. Но откуда она здесь взялась? На карте ничего не обозначено. Сбился, что ли, с курса?

Взгляд на панель ничего не дал: приборы работали и как будто исправно. А седьмое чувство подсказывало, что высота другая и координаты не скорректированы. У самого берега, метрах в ста пятидесяти от него, самолет нырнул в воздушную яму. Так и на воду не сядешь, так в нее войдешь камнем и... Уже хотел катапультироваться, надеясь на ветер, который донесет меня до суши, даже протянул руку к рычагу. И в этот момент увидел людей: стоят у самой воды, машут руками, наверное, что-то кричат. Пошутил:

– Эй, ребята, поймайте самолет перед тем, как мы разобьемся...

Вышло сиплое бормотание. Тут же почувствовал, как машина выровнялась, и ее словно подхватило воздушным потоком. Сели на прибрежную полосу, длинную и ровную, подняв фейерверк из светло-желтого песка. Откинулся в кресле, переводя дыхание и успокаивая нервы: руки не отпускали штурвал и одновременно мелко дрожали. А вокруг собирались люди, человек пятьдесят. Наконец мне удалось отпустить руль, и я вышел. Все разом ринулись ко мне, мужчины и женщины. Один, смутно знакомый, протянул руку:

– Добро пожаловать на Остров!

Я пригляделся:

– Асхат?!

Он пропал в позапрошлом году: сообщил в часть о неисправностях в моторе и всё – исчез. Искали месяц, но словно корова языком слизала: ни машины, ни Асхата.

– Сашка! – обрадовался он. – В шлеме-то сразу не признал. Ну, в общем, с прибытием, вечером отпразднуем, сейчас пойдем в поселок, надо же тебя определить куда-то. Не волнуйся, всё расскажу.

Он повел меня по утоптанной траве между деревьев, остальные двинулись за нами, кое-кто остался на берегу. Вскоре мы вышли на лесную поляну с большим рубленным домом посреди нее. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не одно здание, а четыре, объединенные между собой коридорами с выходами на четыре стороны: к лесу, в соседние постройки и во внутренний двор с огородами и садом каких-то плодовых деревьев. Там же были вырыты четыре колодца. Вдоль барачков стояли грубоватые дощатые столы и скамейки. Асхат жестом пригласил меня сесть.

– В общем, Саш, это всё остров. Он периодически испускает какой-то импульс, который повреждает моторы и аппаратуру и притягивает к себе. Не физически, а так – на психику давит. Приманивает. Понимаешь?

– Нет, – честно ответил я.

– Ну смотри: твой самолет он засек, так?

– Так.

– Повредил двигатели, так?

– Ну...

– А потом ты увидел этот остров. Так было?

– В общем, да.

– И ты полетел сюда, и под самый занавес он тебя аккуратненько так посадил.

– Кто – он?

– Да остров же!

– Так он что – живой? – не понял я.

– Не знаю. И никто не знает.

Мы помолчали. Я попытался переварить услышанное, но за малым количеством информации не смог и спросил:

– А на карте он где находится? Координаты можешь сказать?

– А нет его там.

Я вопросительно посмотрел на Асхата. Он усмехнулся:

– Никто из попавших сюда никогда не знал о его существовании.

Мы тут понаблюдали – он типа прикрыт защитной аурой, никакие съемки с орбиты не берут, с воздуха не видно, с моря тоже. У нас тут

все такие: кто как прибыл, кто где работал раньше и знания соответственные. Так вот, никто о его существовании никогда ничего не слышал. И все попались. Этаким остров-ловушка.

– А мы тебя месяц искали, – невпопад сообщил я.

– А мы видели: вы несколько раз над этим местом летали. Мы и костры жгли, и бревна раскладывали буквами SOS, и ракеты пускали – чего только не делали, а вы нас в упор не видели. Хотя не могли не заметить – летали низко. То есть по законам физики не могли. Но у этого местечка свои законы: ловушка для населения в радиусе где-то до тридцати километров. Хотя поймать вас тогда не снизошел – не понравились чем-то.

– А сообщить по-радио не пробовали? Или оно не работает?

– Да всё работает: и радио, и телевидение, и даже компьютер. Мы вас вызываем, а остров глушит, вы не слышите. Сообщение посылаем, а оно обратно приходит: типа адресата такого в природе нет. Ну и бутылку с запиской на следующий же день обратно прибило.

– Ты думаешь, это остров?

– Не знаю. Но больше никому. Мы здесь всё обыскали.

– А импульс? Откуда он исходит – нашли?

– Нет, не нашли: он как будто из разных мест исходит: сегодня здесь, а завтра там. И по времени непредсказуем: то несколько лет не появляется, то за неделю троих поймал. Вон, видишь – люди сидят за тем столом? – Асхат показал рукой. – Троих из них пять лет назад в один день на разных яхтах принесло. А вон та компания спустя два дня прогулочным самолетом прибыла.

Я пригляделся: среди мужчин и женщин притягивала внимание светловолосая девушка с милостивым лицом. Смуглая, видимо, хорошо загоревшая. И волосы, наверное, тоже на солнце выгорели. Заметила, что ее разглядывают, улыбнулась. Я смутился и повернулся к Асхату.

– Ленка. Леночка. Когда она сюда попала, ей было всего семнадцать. Окончила школу и в честь этого ей купили билет на развлекательный полет. Вот теперь сидит и развлекается. Пойдем, покажу тебе окрестности.

За пару часов мы обошли примерно половину острова. Асхат показывал мне природу, поясняя, чем полезно то или иное растение, а какого следует опасаться, так как оно ядовито. Какие-то я узнавал, однако многие были незнакомы. Встречавшиеся животные не обращали на нас внимания. Полюбовавшись на горный водопад в лучах заходящего солнца, шумно обрушивающийся в озеро, мы отправились назад: начинались сумерки. Теперь над островом стали отчетливо видны сполохи, похожие на северное сияние. Их движение, сперва быстрое

и хаотичное, постепенно замедлилось, и наконец они застыли, словно разноцветные вкрапления в темно-серую ткань гигантского зонта. Это и была та аура, о который говорил Асхат, видимая человеческому глазу лишь вечером и всего несколько минут. Когда мы вернулись, радужные включения полностью рассеялись в черноте неба, уступив место ярким звездам.

– Расскажи еще об импульсе, – попросил я.

– Что именно?

– Ну... как вы его засекали, как о нем узнали?

– А он виден: разноцветный луч с размытыми границами, типа северного сияния. Ну, ты же видел только что такой же. Но тот узкий и ярче, поэтому виден в любое время суток. Возникает когда хочет и где хочет, нас не трогает.

– И всё?

– И всё.

– А взлететь на самолете или на яхте уплыть?

– Не отпускает.

– ?!

– А вот так: плывешь или летишь будто от острова, и вдруг словно морок на тебя накатывает. Когда спадет – впереди опять он, родной наш. Такое вот место заколдованное.

– М-да-а...

– У нас тут несколько ученых залетели, семь или восемь лет назад, так ничего и не придумали.

– Фантастика.

– Скорее, физика: что-то еще непознанное людьми. Типа другое измерение.

– Есть надежда?

– Надежда всегда есть. А пока такие вот обстоятельства места, куда мы попали.

Нас позвали на ужин, после которого устроили небольшой концерт в честь моего прибытия.

А дальше потекли дни, недели, месяцы, годы. Остров неуловимо рос – завоевывал потихоньку сантиметры у океана – и продолжал ловить людей. В его «сети» попадались ученые, врачи, учителя, инженеры, музыканты, художники, артисты. По радио тогда объявляли, что такие-то люди погибли в катастрофе или пропали без вести, называли наши приблизительные координаты с погрешностью плюс-минус два десятка километров, а нам все никак не получалось сообщить, что мы живы. Колония из четырех домов разрослась в небольшой средневекового вида деревянный городок с красивой архитектурой. Разные открытия, задумки и их воплощение делали нашу жизнь все интересней

и насыщенной. Появились новые поколения, рожденные здесь. Когда я смотрю на свою Ленку, как она улыбается, наблюдаю, как смешно бегают, сверкая пятками, наши внуки, я тоже улыбаюсь. И задумываюсь: а как бы сложились наши жизни, если бы в них не вмешался остров? И что вообще такое – этот остров? Иное измерение? Параллельный мир? Разумное существо, которое, зная о грядущей глобальной катастрофе, пытается уберечь человечество от вымирания и собирает избранных, как на Ноев ковчег? Или посткатастрофическое информационное пространство с кажущейся жизнью суть лишь иллюзия моей души, давно покинувшей тело?

Алексей Корепанов ЧАША СУДЬБЫ

Из романа «Я пришел со звезд»

1

Разведчик, выполняя мою команду, сделал длинную петлю в околопланетном пространстве, и теперь я летел назад, к нашему кораблю, догоняя его на орбите и постепенно сбрасывая скорость тормозными импульсами двигателей. Проведенная мной в полете проверка всех систем показала, что разведчик в полном порядке и готов пронести нас сквозь атмосферу и совершить посадку. Каплевидный корпус корабля сиял в лучах Ниста – здешнего светила, – словно сам был звездой, я отчетливо видел его на экране. Правее и ниже плыла сквозь черноту космоса круглая громада укутанной облаками Лоды – планеты, которая и являлась целью нашего замечательного прыжка из окрестностей родного дома. Охотник Нист и одна из его дочерей Лода – эти имена были взяты из какого-то древнего сказания.

Перед тем, как сделать разворот, я связался с Лапертенем и сообщил о результатах проверки разведчика – а погонял я его изрядно, в разных режимах. Все наши с нетерпением ждали, когда я вернусь и можно будет отправляться на Лоду, а корабль впитывал и преобразовывал энергию Ниста для обратного прыжка, который нам предстояло совершить после посещения этой планеты. Настроение у всех было просто замечательное – нам шестерым впервые удалось совершить прокол континуума и почти мгновенно оказаться на огромном расстоянии от точки входа. То, чего так долго мы добивались, произошло – теория получила блестящее подтверждение. И пусть это событие было интересно только узкому кругу, но мы-то входили в этот круг и чувствовали себя счастливыми. Нет, разумеется, информация о деятельности нашей группы поступала во всепланетную Сферу, однако не занимала там главенствующего места и даже не претендовала на него. Наша работа не могла оказаться в фокусе общественного внимания, да мы и не нуждались в этом. Мы поставили перед собой задачу и решили ее – вот что было для нас самым важным! Да, мы чувствовали себя счастливыми – во всяком случае, со мной дело обстояло именно так. Мне хотелось бегать и прыгать, безудержно болтать с самим собой и слать приветы всем звездам. Конечно, внешне это никак не проявлялось – я не прыгал, а сидел в кресле пилота и молча смотрел на экран. Но в душе у меня все цвело и благоухало.

И вдруг...

Сиявшая отраженным светом капля нашего корабля вспыхнула еще ярче и почти моментально превратилась в бесформенное полыхающее пятно. Это пятно расползлось, увеличивалось, и из него брызгали огненные точки и целые ручейки. Брызгали – и растворялись в черной пустоте. Клокочущее пятно еще несколько мгновений истекло ослепительным светом, а потом рассыпалось на обломки, продолжавшие разлетаться во все стороны. В том числе и в направлении разведчика. Прежде чем я успел моргнуть, огненные полосы пронеслись мимо и сгнули вдаль. Я видел все это, но не мог осознать. И тело мое, и мой мозг словно окаменели, и я просто сидел, подавшись вперед и чуть растянув амортизаторы, и продолжал смотреть туда, где только что находился наш корабль. Где только что находились мои товарищи...

Мне казалось, что все вокруг кричит. Но это длилось недолго – потом я словно оглох.

Разведчик достиг того места в пространстве, где его должен был поймать выдвижной захват корабля, и полетел дальше – никакого захвата уже не существовало, он превратился в одну из тех огненных брызг. Разведчик полетел дальше по околопланетной орбите, а я продолжал пребывать в оцепенении, не решаясь осознать случившееся, не давая лазейки никаким мыслям. Потому что осознание вполне могло привести к сумасшествию.

И все-таки одна мысль сумела-таки просочиться, несмотря на все воздвигнутые мной преграды. Это была мысль о том, чтобы покончить с собой. Разогнаться, бросить разведчик в плотную атмосферу Лоды и сгореть там. Или открыть люк и без скафандра шагнуть в открытый космос. Или даже остаться в кресле и просто разгерметизировать кабину.

Да, это была мысль, порожденная отчаянием, паническая мысль, продиктованная безысходностью, но она представлялась мне правильной. Ведь гибель корабля означала, что я не смогу вернуться домой. Никогда не смогу вернуться домой. Даже если я направлю разведчик назад и буду по пути пополнять запасы энергии от звезд, то рано или поздно умру от голода – разведчик не в состоянии совершать проколы континуума, не та у него мощность и не то оборудование. Допустим, я каким-то невероятным образом научусь обходиться без пищи – но тогда умру от старости. Полет без прокола будет длиться так долго, что станет для меня бесконечным.

Никто не бросится меня спасать, потому что никто не узнает, что я остался в живых. И радиосообщение не поможет, оно дойдет до получателей слишком поздно – я, опять же, не доживу. Да и о каком радиосообщении на огромные межзвездные расстояния могла идти речь при той аппаратуре, которая имелась на разведчике?

Да, никто не прилетит, чтобы вытащить меня отсюда. Наше возвращение истолкуют однозначно: корабль вместе с экипажем погиб при проколе континуума. Следовательно, такие проколы губительны. И эксперимент повторять не будут. Если даже не учитывать того, что подготовка к его проведению требовала много времени и сил – кто этим займется? Главной фигурой был Лапертен и его ближайшее окружение, включая меня – в свое время я с азартом присоединился к нему... но именно Лапертен и его ближайшее окружение и превратились в ничто вместе с кораблем.

Кроме меня.

Никаких спасателей тут не будет – это я должен был усвоить раз и навсегда и не питать никаких надежд.

Разведчик продолжал движение по орбите, и я наконец поймал себя на том, что все-таки размышляю – и не просто размышляю, а отчаянно пытаюсь найти выход. Я обманывал себя, потому что знал: никакого выхода нет. Но эти попытки позволяли мне не лишиться рассудка.

Помогло и то, что я почти сумел заставить себя разглядывать ситуацию отстраненно, как игру, а не как реальность – обычную игру, одну из тех, что являлись неизменными составляющими каждодневной жизни большинства населения. Я убеждал себя в том, что я – игрок, не более того, и моя задача – придумать что-нибудь, дающее возможность продолжать игру. Мысли мои были сумбурны, от них кружилась голова, но временами это мельтешение сменялось периодами абсолютного застоя, когда я просто не воспринимал ни себя, ни окружающее. Наверное, эти провалы тоже помогли мне не сойти с ума и уберечь от трагического поступка.

Разведчик уже завершал первый виток вокруг планеты, когда мне удалось соорудить нечто вроде защиты от болезненного чувства непоправимости случившегося. Я принялся искать причины гибели корабля. Об установлении истины речи тут быть не могло, но это занятие не позволяло мне сорваться в мутные бездны. Возможно, говорил я себе, катастрофа связана с состоявшимся проколом континуума, была его следствием. Прокол мог оказать пагубное воздействие на какие-то системы корабля. Проявилось это не сразу после выхода в обычное пространство, но все-таки проявилось...

«Регулятор, – подумал я. – Все дело в регуляторе».

Это был один из основных элементов корабля. Во многом именно благодаря ему нам удалось пробить континуум в окрестностях нашей планетной системы и вынырнуть поблизости от Лоды, потратив на это не десятки лет межзвездного перелета, а всего несколько мгновений. Рванул именно регулятор, решил я, да так рванул, что разметал корабль в клочья. И если бы Лапертен не отправил меня проверять

готовность разведчика, я бы тоже погиб. Как и все они. Останься я на борту корабля – и все было бы гораздо проще.

А что же мне делать теперь? В полном одиночестве, в бесконечной дали от дома и без тени надежды на возвращение.

Что мне делать?..

Этот вопрос без труда пробил всю мою защиту, обрушился на меня, смял, превратил в охваченный ужасом комок...

И я отключился.

...Полной отключкой назвать мое состояние все-таки было нельзя – хоть я и выпал из действительности, однако какие-то образы и мысли продолжали бродить у меня в голове, и я не переставал ощущать всю ошеломляющую плачевность моего положения. Поэтому открыл глаза с неохотой – гораздо удобнее было бы постоянно пребывать вне связи с реальным миром. Но оказалось, что все это время во мне происходила некая подспудная работа: я продолжал искать выход. Именно выход, а не тупик.

Разведчик накручивал витки, отлично справляясь с этим делом без моего участия, в кабине было тепло и веяло лесной свежестью. Подо мной простиралась иная планета, о которой мы ничего не знали. Точнее, кое-что все-таки знали, поэтому Лапертен и выбрал ее в качестве финальной точки первого прокола континуума. У нашей экспедиции было две задачи (их поставили себе мы сами): осуществить прокол и исследовать Лоду. По словам покопавшегося в источниках Лапертена, она входила в число тех планет нашей части Вселенной, на которых могла существовать разумная жизнь. Я просто обязан был сделать то, что собирались сделать мы вместе: побывать на Лоде. Побывать – а не ринуться в ее атмосферу, чтобы покончить с собой. Намерение лишиться себя жизни исчезло после моей отключки. Точнее, притупилось, стерлось, ушло в тень. В конце концов, самоубийство можно будет в любое время... когда почувствуешь, что у тебя больше нет сил на то, чтобы существовать. Пусть эта возможность останется запасным выходом – если ты полностью убедишься в отсутствии других.

Откровенно говоря, я не хотел убивать себя. И не был полностью уверен в том, что способен решиться на такое. Любое бытие, даже самое унылое, все же выглядело выигрышно по сравнению с небытием.

«Не спеши, Ральсент, – сказал я себе. – Ты остался жив, хотя мог погибнуть. Ты остался жив, понимаешь? А теперь еще раз постарайся убедить себя в том, что это игра. Игра, Ральсент! И число ходов в ней не ограничено правилами. А если и ограничено, то лишь самим тобой».

Истерзанный оголтелыми мыслями мозг все-таки выдавил из себя подобие подсказки. Возможно, на Лоде и вправду существует разумная жизнь. Возможно, ее обитатели уже научились совершать проколы континуума. Или близки к этому. И сумеют вернуть меня домой.

Вероятность такого предположения казалась мне величиной очень малой, но не нулевой. И это, конечно же, был не выход – но хотя бы просвет. Точнее, слабый намек на просвет. Однако мне в моем положении приходилось довольствоваться и подобной почти неуловимой зацепкой.

Изменить случившееся я не мог, расставаться с жизнью не хотел – значит, следовало смириться с теми условиями, которые мне навязала судьба, подавить душевную боль, сдерживать отчаяние, не утонуть в нем и что-то делать. Как-то жить дальше.

«Нужно включать программу разведки и спускаться на Лоду, – решил я. – А дальше будет видно».

Стоило мне определиться с дальнейшими действиями, как я почувствовал, что ужасно хочу есть. Это было странно – пищевую капсулу я, как и другие участники прыжка сквозь космос, проглотил перед проколом и еще не должен был проголодаться. Вероятно, сыграло свою роль грандиозное нервное потрясение. Запустив программу разведки, я приоткрыл настенную панель, достал упаковку и вытащил из нее тонкий белый цилиндр. Сунул в рот и, глядя на экран, принялся мысленно перебирать все те вещи, что имелись в моем распоряжении.

Разведчик был загружен еще за день до старта, и только потом его разместили в корабельном ангаре. Мы постарались учесть все, что может понадобиться во время экспедиции на чужую планету. Еда и питье, лекарства, медицинское оборудование, научные приборы, одежда и обувь, скафандры, запасы дыхательной смеси, многодел, излучатели, информационные кристаллы, летатели, погрузчик, биопомощники – все это и многое другое было разложено и расставлено по отсекам. Подвесные лежа давали возможность нормально спать, и разведчик вполне мог служить жилищем. Причем жилищем передвижным и не только воздушным и наземным, но и надводным и даже подводным. Запаса пищевых капсул хватало на длительное пребывание в чужом мире, а дополнительные объемы дыхательной смеси можно было получить с помощью регенераторов. Впрочем, биопомощники уже успели изучить состав атмосферы, и оказалось, что она вполне пригодна для дыхания. Это был хоть какой-то плюс, если вообще к моей ситуации подходило такое определение. Все плюсы перечеркивались одним-единственным непоправимым минусом...

Да, я был вполне обеспечен необходимыми для жизни вещами. Однако некоторое снаряжение мы так и не перенесли сюда из корабельного трюма, намереваясь заняться этим перед спуском на планету. И все оно исчезло вместе с кораблем...

В частности, я остался без летающих зондов и лабораторного комплекса – зонды требовали сборки и установки в стартовых каналах, а комплекс мы планировали разместить у самого люка, потому

что он был громоздкий, и выгрузить его после посадки в первую очередь. Но...

Но приходилось довольствоваться тем, что имелось.

Ничто не мешало мне перевести разведчик в посадочный режим, но я продолжал сидеть в кресле, не давая никаких команд на пульт управления. Программа разведки работала, на борт поступали все новые и новые данные. Я отдавал себе отчет, почему не спешу ознакомиться с материалами видеообзора: я боялся, что на Лодке не обнаружится никаких признаков разумной жизни. А мне ведь могла помочь не просто разумная жизнь, а развитая цивилизация, сопоставимая с нашей. Есть ли она здесь?

Мы никогда не сталкивались с существами из других миров. Мы даже не знали, живет ли во Вселенной кто-нибудь, кроме нас. Да и мало кого интересовали подобные вопросы. Кто будет думать о таких материях, когда вокруг столько развлечений? Зачем тратить на это время?

Разведчик все летел и летел вокруг планеты, не погружаясь в атмосферу. Я понимал, что невозможно бездействовать бесконечно долго, но продолжал медлить. Вспоминал свою жизнь с самого детства – у меня была хорошая жизнь... И куда же она привела? К одиночеству в кабине разведчика, который не в состоянии вернуть меня домой...

Первый шаг по этой дорожке был сделан, когда по результатам проверки способностей я попал в категорию ученых. Второй – когда из множества научных направлений выбрал идею о внепространственных перемещениях в континууме. Она привлекла меня своей необыкновенностью. Так я познакомился с Лапертеном и его группой... И оказалось, что они, как и еще несколько групп, занимаются не только теорией, но и обдумывают формы таких перемещений для поиска других разумных существ во Вселенной. Я присоединился к команде Лапертена, но для меня главным был совсем не поиск иной жизни. Я задался целью найти кратчайший путь к другим планетам, которые сами по себе могли бы стать новыми захватывающими играми. Мне было просто интересно решать эту задачу. Только и всего. Собственно, наличие такого нехарактерного интереса и двигало вперед науку, хоть как-то отвлекая общество от бесконечной ходьбы по кругу. Правда, ходьба эта была очень привлекательной. А если бы я не познакомился с Лапертеном? А если бы в какой-то момент переключил внимание на другое или просто махнул рукой на науку и зажил обычной жизнью – как большинство? Проводил бы досуг в играх, посещал разные замечательные места планеты... вместе с Ниари...

При мысли о Ниари мне стало так пронзительно, до боли, грустно, что я согнулся в кресле и невольно застонал. Я потерял не только род-

ной мир, но и ее. Получалось, что наша встреча накануне старта была не только последней, но и окончательной.

«Не забудь вернуться, Раль», – сказала она.

«Даже если забуду, подумаю о тебе – и вспомню», – с улыбкой ответил я.

И вот я думал о ней, но вернуться не мог...

Ниа – так же коротко, как и она меня, я называл ее. Ни-а-а... Без конечного «ри» это имя звучало тонко и мягко. Очень мягко.

Ничего хорошего все эти мысли не обещали, от них делалось только хуже – и чтобы отвлечься, я все-таки принялся рассматривать картинки видеозаписи.

Значительную часть поверхности планеты занимали обширные водные пространства, но суши тоже было предостаточно. Ее покрывали леса, прорезанные множеством рек. Уже из этих первых, далеко не полных данных разведки стало понятно, что Лода обитаема. Признаков разумной жизни я разглядел немало: пирамидальные строения; башни на холмах; группы обнесенных стенами зданий; малые и сравнительно большие поселения; мосты; ленты дорог; прямоугольники полей; весельные и парусные суда, стоящие у берегов и плывущие по рекам и морям... Но причин для радости не было. Судя по всему, здешняя цивилизация пребывала в примитивном состоянии, и на то, что лодiane помогут мне вернуться домой, рассчитывать не приходилось.

Конечно, собранные данные касались только той части Лоды, которую успел облететь разведчик, но не было смысла обманывать себя. Даже если я захлестну витками всю планету, то вряд ли найду такое место, где уровень развития на несколько порядков превышает уже увиденный мной. Самым высокотехнологичным здешним производством могло быть всего лишь изготовление орудий для обработки земли, а величайшим научным достижением – объяснение морских приливов влиянием единственного спутника Лоды. Не более того. А то и менее.

И как лодiane воспримут посадку разведчика возле стен одного из своих городков? Что подумают, увидев меня? Примут за спустившееся с небес божество и будут готовы выполнять любые мои повеления? Или разбегутся в страхе? Или попытаются убить чужака?

Ну, убить у них вряд ли получится – защитный кокон не позволит это сделать. Но что дальше? Подружиться, покатать на разведчике, продемонстрировать содержимое информационных кристаллов? Взяться за развитие науки и создать корабль, способный осуществить прокол континуума?

От таких фантазий хотелось выть.

Помочь тут могло только одно: сосредоточиться на выполнении конкретных сиюминутных задач и не думать об общей трагической ситуации. Во всяком случае, постараться не думать.

«Вот ты и попал на иную планету, – сказал я себе. – Вот тебе и новая игра. Так играй!»

И вспомнил, что недавно уже говорил себе что-то подобное.

А еще в памяти вдруг всплыло бодрое заявление, постоянно звучавшее в одной игровой зоне:

«Игра – это лучшее лекарство от уныния! Лучшее лекарство от уныния – это игра!»

И тут я сообразил, что среди медицинских препаратов, которые мы взяли с собой, обязательно должно быть какое-нибудь успокоительное.

Так и оказалось. В ответ на мой запрос биопомощник порекомендовал принять капсулу билия. Я отыскал в большой упаковке это лекарство, вернулся в кабину и положил под язык матово-белый шарик. На боковом экране продолжали проползать картины поверхности Лоды, а я сидел и ждал, когда билий подействует.

И он подействовал. Я не мог бы сказать, что мои мысли стали туманными, но восприятие реальности как-то сгладилось, словно между мной и окружающим воздвигли прозрачную стену. Я все видел, слышал и понимал, я не потерял способности совершать какие-то действия, не чувствовал себя заторможенным – и в то же время был охвачен мягким покоем. Как ранним прозрачным утром на морском берегу.

«Вместе с Ниа», – проползло где-то в глубине.

«Да, вместе с Ниа», – согласился я.

И это имя не отдалось болезненно в моей душе, как было раньше.

Я проверил себя: мысленно вернул картину взрыва корабля и подумал о том, что отрезан от родины.

Ничто не шевельнулось внутри.

Даже понимание того, что лекарство не может действовать бесконечно долго, и потом печальная реальность вновь обрушится на меня, не вызвало никаких чувств.

«Как будет, так и будет, что ты с этим поделаешь?» – подумал я и стал прикидывать, какое место выбрать для посадки.

Садиться в глуши – или поближе к островкам цивилизации?

Контакт с лодианами можно оттягивать, но он неизбежно когда-нибудь состоится – не буду же я до самой смерти жить отшельником. Рано или поздно придется присоединиться к здешнему населению, а уж в каком качестве – покажет время. Лучшим вариантом представлялась мне роль учителя, носителя знаний, двигателя прогресса... если, конечно, в моем положении уместно называть какой-либо вариант лучшим. Все они были плохими.

Пользуясь своим одеревенелым состоянием, я не переставал разглядывать разные виды планеты, которой придется стать моим новым домом. И все не решался сделать выбор – садиться можно было и там, и там, и там... Я словно ждал подсказки, какого-то внутреннего сигнала.

И наконец дождался.

Довольно широкая река, слегка извиваясь, текла сквозь густые, с редкими дорогами, леса. В нее под разными углами впадали реки поуже – две с одной стороны, а третья с другой, так что сверху в этих линиях, если напрячь воображение, можно было разглядеть рисунок чаши с вычурно изогнутой ножкой. Правда, чаши очень несимметричной: одна ее стенка-река, левая, отстояла на значительно большее расстояние от ножки, чем противоположная, правая. Общими чертами чаша походила на не раз встречавшееся в древних подземных святилищах изображение мифического сосуда – Чаши Судьбы. Этот символ использовался и в играх наряду с не менее мифическими Стрелами Удачи, Молотом Войны, Рогом Бед и прочей закрепившейся в нашем культурном пространстве архаикой. Мне удавалось, хоть и нечасто, добираться до Чаши Судьбы и побеждать – и вот я отыскал ее на чужой планете.

Это была чаша моей судьбы.

Я ввел координаты и включил посадочный режим. При облете противоположного полушария разведчику предстояло войти в плотные слои атмосферы и постепенно снижаться до посадки в нужном месте. Система взялась за работу, меняя конфигурацию корпуса аппарата, а я вновь принялся рассматривать изображение облюбованной мной территории. Внутри у меня все по-прежнему было застывшим.

Эта лесистая местность, расположенная гораздо ближе к полюсу, чем к экватору, не отличалась, судя по всему, обилием жителей. Небольшие селения на холмах и высоких берегах рек отграничивались от окружающего рвами и валами. Свободные от деревьев участки занимали поля. Кое-где поднимались к небу дымки костров, виднелись вырубки и просеки, но почти все это располагалось за пределами образованной реками чаши. А к ней примыкало довольно крупное селение – пожалуй, его можно было назвать городком. Он стоял на мысу, там, где река – ножка чаши вливалась в ее дно – большую реку, на которой были заметны какие-то суденышки. От этого треугольного скопления примитивных строений, обнесенных частоколом, тянулась с правой стороны, за бревенчатым мостом через приток, прибрежная дорога, повторяя изгибы большой реки. Еще одна дорога вилась вдоль притока. Слева к обращенной в сторону леса части городка прилегали лоскутки огородов, за ними просматривались тропинки; они выводили к пятнам вырубок, превращенных в поля. Дальше до самого горизон-

та простиралась нетронутая зеленая чащоба, в которой едва можно было разглядеть отрезки звериных троп, ведущих к воде.

Левая стенка чаши – извилистая узкая речка текла по обширной пойме, обрамленной возвышенностью. Возвышенность была густо утыкана хвойными и лиственными деревьями, а пойма сплошь заросла кустарником, и, похоже, ее заполняло болото. Вот там, за большой рекой и ее притоком, вдали от городка и других лесных поселений, в труднодоступном месте, я и намеревался совершить посадку. И надеялся, что болото будет достаточно глубоким для того, чтобы надежно скрыть разведчик от посторонних глаз. Впрочем, если кто и сумеет увидеть его, так только болотные обитатели да птицы.

На посадку я зашел с дальней от прибрежного городка стороны, и вскоре разведчик снизился чуть ли не до самых верхушек деревьев. Он, сбрасывая ход, летел от оседавшего к горизонту Ниста, сливаясь изменившей цвет обшивкой с его лучами – я на всякий случай остророжничал, дав соответствующую команду системе, и именно поэтому отказался от вертикального финиша из зенита. Но с гулом двигателей поделаться ничего не мог. Правда, он вряд ли докатывался до городка – все-таки расстояние до него было немалым.

Я знал, что разведчику больше не суждено вернуться в космос, потому что мне нечего было делать в космосе. Но ни эта, ни другие мысли никак меня не задевали. Лекарство продолжало действовать. Да и посадка, несмотря на активность биопомощников, требовала сосредоточенности.

Речка осталась позади, разведчик продолжал лететь под острым углом к земле, пригибая и ломая кусты. Наконец он плюхнулся в болото и заскользил по нему, медленно погружаясь в заросшую травой жижу. Помощники помалкивали – значит, с герметичностью по-прежнему все было в полном порядке. Чтобы долго не бороздить эту трясины, я откатил кресло от пульта и дистанционно включил на несколько мгновений вспомогательный носовой двигатель. Разведчик резко замедлил ход – и я вылетел на растянувшихся амортизаторах из кресла, но тут же впечатался во вздувшийся передо мной упругий бок стоп-пакета.

Аппарат потихоньку погружался в топь. Я был готов выжечь ее двигателями, но до такого дело не дошло. Через несколько мгновений отлепившиеся от корпуса раздвижные лапы достигли дна, и разведчик застыл на месте. Оставалось подрегулировать их высоту, чтобы верхний люк едва выступал над поверхностью трясины, и сделать его серым. Тогда он вполне сойдет за макушку огромного валуна, занесенного сюда каким-нибудь ледником. Казалось, совсем недавно я видел такие гиганты на побережье и взбирался на них... вместе с Ниари.

Вместе с Ниа...

Душевной боли я вновь не ощутил – лекарство успешно выполняло свое предназначение.

Спуск с орбиты завершился без проблем, и в другое время я бы почувствовал удовлетворение. Но не теперь.

Получив подтверждение о завершении посадочного режима, я выдвинул один из бортовых обозревателей и принялся рассматривать окружающее, благо пар, в который превратилась часть болотной жижи из-за включения носового двигателя, почти развеялся. Сюда, в низину, уже не проникали лучи светила – его скрывала плотная стена леса на холме. Она казалась почти черной, и не было там никакого движения. Но над деревьями суетливо кружили стаи птиц, напуганных появлением невиданного летающего зверя. Через болото тянулась полоса открытой воды, коричневатой и мутной – след от скольжения разведчика. Этот след не должен был продержаться долго, и даже если кто-то и заметил с рокотом спланировавший с небес неизвестный и, возможно, нагнавший страху объект, то при всем старании вряд ли найдет место посадки. Да и будут ли искать это место? Бросят все каждодневные дела – а бытовой техники тут, конечно же, нет – и отправятся прочесывать леса и болота? Мне такое представлялось очень и очень сомнительным.

Биопомощники занимались проверкой систем, выводя результаты на пульт, а я сидел и думал, что делать дальше. Сразу начать разведку? Я не находил в себе сил для того, чтобы приступить к разведке. Мне ничего не хотелось. Возможно, это сказывалось действие билия. Возможно, продолжал давать о себе знать пережитый шок. И хотя сила тяжести на Лоде, как свидетельствовали данные, была меньше, чем у нас, я чувствовал, как что-то давит мне на плечи.

Вместо того чтобы чем-то заняться, я невольно проваливался в сон. И последней моей более-менее отчетливой мыслью была мысль о том, что я не смогу не только вернуться на родную планету, но даже разглядеть ее в здешнем ночном небе – слишком далеко отсюда находилась она, моя Ануми...

2

Я редко мог вспомнить приснившееся, но обрывок этого сна в первую ночь на Лоде почему-то удержался в памяти. Я шел вдоль высокого берега схваченной льдом заснеженной реки, все вокруг было белым, а впереди виднелся мост. Он словно вмерз в серое небо, и во сне я знал, что стоит он тут уже давно. Его темные, с высокими наверхностями, фермы в виде двух треугольников с прогнутыми боковыми дугообразными сторонами казались нарисованными, а раскосые балки, чередующиеся в этих треугольниках, придавали мосту ажурный вид. Я шел и любовался изящным гигантом, соединяющим укутанное снегом берега. На мосту было пусто, и только посередине кто-то сто-

ял, положив руки на перила. Я не мог разглядеть лица, но понимал, что это Ниари, и знал, что она смотрит на меня.

Откуда взялся в моем сне этот мост? Где я мог видеть его?

А вот что мне снилось потом и вообще снилось ли что-нибудь, было мне неведомо. В какой-то момент я обнаружил, что уже не сплю, но открывать глаза не спешил и прислушивался к себе. Действие билия прошло, стена между мной и окружающим исчезла, однако прежней душевной боли я не ощущал, несмотря на то, что отчетливо помнил все случившееся накануне. Да, я был далеко не в полном порядке, но вновь прибегать к успокоительному мне не хотелось – неужели я неспособен справиться собственными силами? Надо было принимать реальность, а не шлифовать ее лекарствами. Чтобы не нарушить наметившееся хрупкое равновесие, я стал думать о дальнейших действиях. С контактом торопиться не стоило, лучше поприглядываться к здешней жизни, оставаясь незамеченным. Может быть, придется перебираться в другие, более цивилизованные места, где явившегося с небес чужака встретят без резко отрицательных эмоций и не будут сразу забрасывать камнями и бить дубинами, а дадут возможность объясниться.

Проблем с пониманием не должно было возникнуть – их решили задолго до моего рождения, налаживая отношения с архаичными племенами южных архипелагов, отгородившимися от мира. Перед стартом мы вживили себе биопереводчики – они анализировали чужое сознание, разбирались в языке и управляли голосовым аппаратом при общении с иноязычными. Во всяком случае, именно так я представлял себе принцип их действия. Это была не моя сфера интересов. А уж как биопереводчики справлялись с текстами на древних языках, я вообще не имел ни малейшего понятия – а они справлялись. Наверное, как-то докапывались до генетической памяти или проделывали еще что-то в этом роде...

Приняв решение посетить прибрежный городок, я открыл глаза и посмотрел, что показывает обозреватель. И понял, что спал довольно долго, потому что уже наступило утро. Еще бледным было небо, и клочья тумана цеплялись за болотные кочки, но лучи Ниста уже стреляли по верхушкам деревьев на возвышенности за поймой. Ни птицы, ни звери не давали о себе знать, только сновали над болотом какие-то насекомые.

Можно было не возиться со скафандром и отправляться на разведку в обычном сером комбинезоне, в котором я покинул Ануми. Ботинки на толстой подошве тоже вполне подходили для вылазки. Я встал с кресла и направился в соседний отсек. Протискиваясь между нагроможденным оборудованием, добрался до нужного контейнера и достал из него летатель и короткий, до середины груди, защитный жилет. Он создавал кокон с односторонней прозрачностью – в нем я

буду неуязвимым и невидимым снаружи. Надев жилет, я просунул руки в жесткие лямки летателя и забросил его на спину. Положил ладони на выступающие вперед рукоятки управления и огляделся, раздумывая, стоит ли брать с собой что-то еще.

Переговорник? Но тех, кому я сообщал бы о своем передвижении, с кем делился бы впечатлениями, не осталось в живых.

Излучатель? Кокон обладал не только односторонней прозрачностью, но и односторонней проницаемостью – можно было стрелять, находясь внутри. А зачем мне излучатель? Убивать местных жителей я не собирался. Правда, меня мог атаковать какой-нибудь летающий зверь – если здесь водились такие. Поколебавшись, я все же прицепил излучатель к жилету. На всякий случай.

Прежде чем покинуть разведчик, я немного постоял под открытым люком в шлюзовой камере. Нужно было проверить реакцию организма на здешнюю атмосферу. Снаружи тянуло затхлым запахом болота с едва уловимой примесью хвои, мой нос улавливал незнакомые оттенки, но дышалось легко и никаких неприятных ощущений не возникало. Я выбрался на обшивку и выпрямился во весь рост. С ближайших кочек посыпалась в воду болотная живность. Раскидистые кусты с обилием широких зеленых листьев не шевелились, остатки тумана рассеялись, воздух был теплым и высоко в небе едва просматривались тонкие пряди перистых облаков. Пейзаж с множеством деталей выглядел не хуже, чем в какой-нибудь игре с использованием измененных пространств, но, в отличие от игр, в нем не было ничего необычного, придуманного. Я включил защитный жилет, затем двигатель и медленно начал подниматься над болотом, сделавшись невидимым для его обитателей. Единственным, что меня выдавало, было легкое жужжание, но сделать двигатель бесшумным я не мог. Оставалось рассчитывать на то, что такие звуки не вызовут переполоха в городке. Возможно, на них не обратят внимания или спишут на насекомых.

Кокон не позволял воздушному потоку бить мне в лицо, но был открыт сверху, так что недостатка воздуха я не испытывал. Взмыв над поймой, я увидел вышедшего на опушку леса большого мохнатого бурого зверя. Переваливаясь на четырех мощных лапах, он прошелся вдоль деревьев и остановился, подняв крупную голову и глядя в мою сторону. Уши его пошевеливались – он явно слышал стрекот двигателя. Я спохватился, что оставил люк разведчика открытым и тут же, воспользовавшись браслетом, дал команду биопомощнику исправить это упущение – мало ли кто мог забраться туда и пройти по отсекам, пробуя на зуб все подряд. Зверь встал на задние лапы и, подняв передние, принялся точить когти о ствол. А я полетел над чащей навстречу восходящему Нисту, параллельно большой реке, намереваясь пересечь ее только у самого городка.

Весь роман будет опубликован в электронном виде.

Підп. до друку 31.12.2024. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 6,0.
Замовлення № 121.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. В. Панченка, 29
тел./факс (0522) 32-17-05,
моб. тел.: (050) 321-90-79,
e-mail: tsamylyak@gmail.com